

МУССОРИ
И ЛУБ

А. ЛОГАЧЕВ, И. ЧУБАХА

ПЕПЕЛ
И КОКАИНОВЫЙ
КОРОЛЬ

КРЫЛОВ

Игорь Викторович Чубаха
Александр Логачев
Пепел и кокаиновый король
Серия «Пепел», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180432

*А. Логачев, И. Чубаха. Пепел и кокаиновый король, или Вокруг света за 79 дней под прицелом:
Крылов; Москва; 2003
ISBN 5-94371-258-5*

Аннотация

Так прекрасно начался первый день Сергея Пепла на свободе. Ветреная фортуна помогла выиграть билет в казино на чемпионат по борьбе без правил. Шикарное место, много старых друзей, красивых незнакомых женщин и азартное зрелище. Но фарт – опасная штука.

Простая разборка в туалете повлекла за собой серьезные последствия. Король кокаинового картеля решает проучить наглого русского, посягнувшего на его собственность. Спаситься Пепел может, только выиграв пари. Он должен в нереально короткий срок обогнуть земной шар, отмечаясь в условленных местах и не попадаясь в руки мафиози.

Итак, авторитет Сергей Пепел против короля колумбийской наркомафии. Слабонервных просим запастись валерьянкой. Делайте ставки на соотечественника, господи!

Содержание

Пролог. 13 апреля 2002 года. Черная суббота.	5
Глава первая. 14 апреля 2002 года. Воруют все!	15
Глава вторая. 15 апреля 2002 года. Провожающих просим покинуть салон.	21
Глава третья. 18 апреля 2002 года. Как карта ляжет.	32
Глава четвертая. 20 апреля 2002 года. Похождения бравого Пепла.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Логачев
Игорь Чубаха
Пепел и кокаиновый король, или
Вокруг света за 79 дней под прицелом
Туристический боевик

Роман публикуется в авторской редакции.

Пролог. 13 апреля 2002 года. Черная суббота.

*Где-то багульник на сопках цветет,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждет
Край, где ни разу я не был.*

*Возле палатки закружится дым,
Вспыхнет костер над рекою.
Вот бы прожить мне всю жизнь молодым,
Чтоб не хотелось покоя.*

*Знаю, что будут наверно не раз
Грозы, мороз и тревога.
Трудное счастье находка для нас
К подвигам наша дорога.*

«Багульник».

Слова И. Морозова, музыка В. Шаинского

За окном упоительный российский вечер плавно перекрашивался в ночь, по радиоточке что-то там бормотали на родном русском языке полусонные дикторы, приятно пахло наструганной толстыми ломтями докторской колбасой, а рядом друг наполнял граненые стаканы «беленькой» уважаемого местного разлива. Лепота. Но последний раз вот так, по-человечески, сидел Сергей Пепел. И от того, что в последний раз – на душе было паскудно, как после прокурорской речи.

– Ну, ты, Серега, влип по гланды. Нет, ты побожись, что не туфту грузишь, – отодвинув бутылку, уставился глаза в глаза Димон по кличке Пакет, будто хотел отловить в глазных подвалах приятеля озорные искры.

Да и сам Пепел, расскажи ему кто-нибудь такую историю, ни в жизнь не принял бы рассказ за чистую монету без божбы и суровых клятв.

– Чтоб я ботаником стал, – обняв пятерней холодные грани стакана, хмуро вздохнул Пепел.

– Влип, – Димон запустил пальцы в короткий черный газон на черепе, что у него означало высшую степень подавленности. – Ой, влип. А обратно не сыграть? Может, не поздно превратить в шутку?

Поймав в ответ невеселую улыбку Пепла, Димон печально покачал черноволосой головой:

– Тогда – только в бега, Пепел. Исполосуйся на пластической операции, сваргань новый паспорт и нырни на дно где-нибудь в глубинке. Нет тебе другого выхода, кроме как раствориться по глухим деревням среди трактористов и старух, или зарыться в горах дикой республики Абхазии. На худой конец, можно кануть в чокнутую Хохляндию, например, забуриться в харьковские трущобы. Не хочешь же ты в натуре крутить барабан этой рулетки?

Пепел кивком дал понять корешу, что как раз не намерен сбрасывать петлю, которая из ничего возникла за вчерашний вечер и захлестнула, сдавив мертвой хваткой, Серегину шею. Пакет (такую кличку кент получил за то, что подмял до того неорганизованных крупно и мелкооптовых поставщиков пластиковой, полиэтиленовой и прочей одноразовой продукции) запустил в газон на голове уже две пятерни:

– Влип, ой, влип...

Сергей не спорил. Так оно и есть. Прочная мирная жизнь Пепла раскололась, как яйцо над сковородой. И неповинны в том менты, неповинны любящие и умеющие предавать бабы, неповинны беспредельщики из отморозенной российской криминальной тайги... Беда нагрянула оттуда, откуда и в кошмаре не присниться. И на самого себя должен повесить Пепел часть вины за накликанную беду.

А начинался вечер-вечерочек вполне бубново...

* * *

За вход содрали сотку баксов. И на дверях одним металлодетектором не обошлось. Угрюмые фэйсконтрольщики с ловкостью спецов сталинской закалки на всякий случай добавочно ощупали клиента руками. Ну и Бог с ними. Сегодня Пепел не имел надобности держать при себе ствол. Сергей пришел отдыхать, а не отстреливать недругов.

Оставив позади швейцарящих бойцов, Сергей ступил на солидный ковер «Континенталья». Нет, конечно, приспичь Пеплу, он проволока бы мимо охраны и ствол, и казацкую саблю, и «максим» с запасной лентой. Да ведь на фиг ему это не надо было! Хотя, если оставаться перед собой откровенным до конца, не совсем пустым явился Пепел в козырный клуб. Без выкидухи на кармане он чувствовал бы себя, будто импотент в брачную ночь. Как карта ляжет, одному банкомету известно, отсюда – по-пионерски будь готов всегда и всюду к рывку напролом через флажки и засады. А нет в беде вернее товарища, чем лезвие ножа.

Еще и потому не расставался Пепел с выкидухой, что перышко это – память о хорошем человеке. Нож специально для Пепла выточил на комяцкой зоне под городом Усинском рукастый мужик Жека с погонялом Ватсон. Конечно, немало поделок Ватсона гуляют по просторам нашей сказочной страны, застревая в ребрах, оседая на дне водоемов и пыльных полках с вещдоками в отделах по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Но далеко не все подобные вещдоки заточены под ладонь и под характер.

Ценность ножа в его состыковке с конкретной рукой. Чтоб в пальцах лежало, будто так и родилось. Короче, продолжение руки создал Ватсон для Пепла. Да и балансировка выкидухи выверялась Жекой с тщательностью аптекаря. И теперь положи выкидуху с выщелкнутым лезвием на ребро ладони, наклоняй руку хоть влево, хоть вправо – перо не шелохнется.

Между прочим, Пепел честно выложил нож прямо под нос клубной секьюрити прежде чем пройти рамку детектора. Выкидуха пряталась под бархоткой в футляре с очками. Этот футляр Пепел таскал не только как сейф для ножа, но и очки для маскировки иногда напяливал на нос.

Пепел заскрипел подошвами по вестибюлю. По привычке внимательно огляделся в незнакомом месте – так озирается и принюхивается зверь в чужих владениях. Поправляя непривычный пиджак от Армани (одел, чтоб попадать в общую клубную масть), на автомате зафиксировал входы и выходы, где что поставлено-расставлено, какая публика бродит по «Континенталю». А по вестибюлю горделиво разгуливали тузы, короли и валеты, держа под ручки дам в золоте и брильянтах. Телохранители бдительно оценивали сектора, не замышляет ли кто против их отцов недоброе.

Пепел засек немало знакомых. Любезничая с худой мадамозелью в зеленом платье, у пышного фикусауса в кадке прикладывался к фужеру с бордовым вином Леха-Мотыга. У стенда с афишами распирала пиджак спина татарина Ильдара по прозвищу Батыр, знаменитого тем, что не пропускает ни одного мало-мальски стоящего мордобоя в городе. В вестибюльном зеркале отразились кустистые брови адвоката Кости-Карася, работающего на Пегого.

Еще по фойе «Континенталья» наблюдались высокомерно тарашающиеся вокруг сходу распознаваемые рожи откровенно импортного происхождения. Правда, сопровождали забу-

горных кренделей красавицы исключительно отечественного производства. Типа, переводчицы. А еще всюду сновали клубные жучки, собирая с клиентов ставки, как пчелы мед с цветков.

Из настезь распахнутых дверей зала выпархивали звуки, подобающие любой драке: смачные хряси по мордасам, охи, стоны, шмяки тел об пол, звон сетки, всякие там «йе-хо!» и «на!».

Пепел отловил пробежавшего мимо букмекера. Притянул двумя пальцами за отворот рубашки:

– Докладывай.

Анфас и профиль у деляги были типичными для мелочевщика: голова вытянутая, как у суслика, черты невзрачные и не запоминающиеся. Выделялись только прыщики на лбу и бегающие глазки. И сейчас в этих глазках мельтешили искорки испуга.

– Не дрейфь, – успокоил Пепел, отпуская рубашку жучка, – не укушу.

– Сейчас идут разминочные бои. Главные начнутся через час. Но если хотите, следом выйдет полутяж из бокса Валерий Самойленко против борца сумо из Китая Кау Дзе Кина...

– На нашего поставить сколько стоит?

– Один к полутора.

– Годится.

Пепел иногда играл, как профи, а иногда этак мимоходом прощупывал фарт. Например, завернет в казино, и поставит всю наличность на zero. Удачу надо ловить, пока она синекрылой птахой не перекечевала на соседнюю ветку, потому как подолгу не любит данная птица задерживаться на одном и том же месте.

– Держи. На нашего, понятно. На Валерку. – Пепел выдал жучку стошку, но не зеленых или деревянных, а согласно последней питерской моде «еврейских» или «евриков». Пеплу, кстати, нравились еврофантики. Наверное, потому, что не успели еще намозолить глаза. Хоть они, заразы, ни в один бумажник не лезли, и приходилось просто комками рассовывать по карманам.

– А через час кто вырулит на кой¹? – Сергей спрятал в нагрудный карман полученный взамен денег билет.

Пепел не случайно нынче завернул на огонек, он знал, что сегодня в стенах «Континенталя» наши бойцы без правил будут рубиться против тоже правил не признающей сборной мира. Слухи о том, что отечественные папы сговорились с западными на такое мероприятие, ходили давно. Дескать, за бугром наслушались разговоров про крутость рашен гладиаторов и решили доказать, что их буржуйские костоломы все равно сильнее.

– Главный вечер начнется с боя между кикбоксером Ортегой, великим никарагуанцем, чемпионом мира по версии Джи-Би-Си, и нашим самбистом из Дагестана Гейдаром Юсуфовым по прозвищу Теракт, олимпийским чемпионом. Потом выйдет штатовец Шакил Вейденгриг, мастер джиу-джитсу, дублер самого Ван Дамма в последних фильмах, и Алексей Стенник, специалист русбоя, ученик самого сенсея Огавелова.

– Все, что ли? – удивился Пепел. Но, оказывается, букмекер всего лишь переводил дух.

– Нет, что вы! Это только начало. Потом вас и нас ждет двоюродный брат Майка Тайсона против Сергея Горшкова, вы знаете такого?

– Ну, уж не совсем я деревянный.

– А в следующем бою сойдутся супертяжи: рукопашник Анатолий Прибыльский по прозвищу Паштет и Хуго Мария Капучо по прозвищу Упырь, мексиканец пуэрто-риканского происхождения. Этот Хуго Мария знаменит тем...

– Ладно, вечер, чую, удастся. Иди, работай...

¹ название ринга в боях без правил

Так и не дослушав увлекательную программу, Пепел двинул дальше. Пожал руку татарину Ильдару, отсалютовал Лехе-Мотыге, услышал обрывок чужого разговора:

– Боец он конечно классный, но только клаустрофобия у него.

– Не понял.

– Замкнутых пространств боится. А чтобы выступить в Штатах, надо пройти проверку на ядерно-магнитном томографе. Это такой горизонтальный шкаф, в котором человека закрывают и просвечивают органы – здоров ли. Ну, а Миша наотрез в ящик упаковываться отказывается, потому что там тесноту надо терпеть минут сорок. Поэтому в США на бои и не ездит.

Сергей не нашел в услышанном ничего нового, зевнул, и ноги сами собой завернули в бар. Здесь над стойками висели мониторы, по ним показывали столики, уважаемых горожан вокруг столиков, и спящих вокруг с заказами халдеев в бабочках. Сергей улыбнулся, отметив, что столик с первыми лицами налоговой полиции оказался рядом со столиком, оккупированным таймырскими пацанами. Расклад, батенька... Подумал, не сразу ли двинуть в зал, чтобы заказать любимую текилу на месте? Но не жаловал Пепел сутолоку и решил не топиться. Как выяснилось, очень зря.

На бабки, которые Пепел отдал бармену за двести грамм текилы, какой-нибудь среднероссийский хроник мог гудеть целый месяц. Но правильные люди по деньгам не плачут, они живут удовольствием. Сергей перевел взгляд с колышущих бедрами воздух в баре девиц на мониторы. В мониторах сейчас красовался обнесенный сеткой восьмиугольный кой. Только что уволокли предыдущего неудачника и запускали участников следующего поединка. Парень, на которого Пепел поставил свои «еврики», был упакован в жесткие узкие перчатки, красные трусы с желтым серпом и молотом и черные «борцовки» на ходулях. Как там его бишь?

– Валерий Самойленко! – проорал в микрофон анонсер. – Россия, Магадан. Черный пояс. Кунг-фу, стиль «укус богомола».

«Что за стиль такой? – хмыкнул Пепел. – Где ему учат? В Магадане, что ли? Тогда почему я с таким не встречался?».

Валерка, которому предстояло биться за Пепеловскую ставку, вымахал на магаданских витаминах под два метра, но бугайскую мышцу не нарастил. Боец пуще всего смахивал на недоедающего студента-иностранника. А тем временем в восьмиугольник протиснулся соперник. Видать, специально для смеха подбирали парочку. Бои-то несерьезные, разогрелочные, отчего же публику не повеселить? Обещанный китаец Кау Дзе Кин, борец сумо, тянул килограммов на сто пятьдесят, а ростом едва дотягивал Валерке до пупка.

В предвкушении забавы Пепел заказал себе еще двести текилы. Отдыхал сегодня Пепел, не болела ни о чем голова, на душе было легко и светло.

– Тут с Валерием два дня назад случай был, – по-свойски заговорил бармен, кивнув на русского бойца, – Простые постовые менты повязали его с минимальной дозой наркоты. Приводят в отделение. А там во всю стену плакат-календарь «Бои без правил» с нашим героем. Отделался автографами.

Сергей хмыкнул, потому что наверняка с умыслом бармен заговорил про наркоту. Но Пепел не проявил интереса, и бармен вежливо отстал. А в мониторах уже разворачивался бой. Валера, высоко задирая колени, на каждом шагу раскачиваясь в поясе влево-вправо, назад-вперед, гарцевал вдоль сетки. Китаец же присел в раскорячку и, пыхтя, из-под наслупленных бровей отслеживал танец русского поединщика. Складчатое брюхо грозно свисало на набедренную сумоистскую повязку. И, наконец, китаеза не выдержал, сорвался.

Валерка по-балетному отпрыгнул в сторону, разрешая сумоисту врезаться в сетку. Сетка вздрогнула и закачалась девятым валом, чудом удержавшись в крепеже. А Валера еще

успел вдогонку довести китайцу пинка. Чем окончательно успокоил Пепла. Победа останется за русским оружием. Не пропадут «еврики». Не посрамится честь державы.

И успокоенный Пепел покинул бар, не дождавшись конца схватки, потому как Пепел тоже человек, а человеку свойственно отливать. И ничего у него внутри не дрогнуло, не проснулся ангел-хранитель.

Туалет располагался в полуподвале. Случись на месте Сереги врач-гигиенист, вот бы уж он порадовался: и просторно, и белой плиткой разве потолок не выложен, и не резаная газета в кабинках, а бумага мягкости кошачьей шерсти. И пахнет, как на лесном лугу. Всего один-единешенек недостаток портил безукоризненность клубного нуждника, как червоточина портит спелое краснощекое яблоко. Обвесив все стены мраморными писсуарами, скотлив кабинок на целый взвод засранцев, русские сантехники установили всего один ручной мойник.

Пустив теплую воду, Пепел выдавил плюху жидкого мыла и принялся прилежно тереть ладони друг о друга. Сзади брякнула дверца кабинки, протопали по плитке пола каблук, и в зеркале над ручкомойником Пепел увидел прикинутого во все черное господина. Черный пиджачок, черная, застегнутая до последней пуговицы, рубашка, с шеи на грудь свисают нити разноцветных бус, цепочки с амулетами и ладанками.

Несколько лошадиная физиономия этого клоуна показалось Сергею смутно знакомой. Пепел пошелестел в голове архивами. Зона? Нет. Из деловых, с которыми сводила мать-фортуна на воле? Не вспоминается, хотя память у Пепла – дай Бог любому. Так... гражданину на вид лет сорок-пятьдесят, значит, не из молодой шепутной и беспонятийной поросли. Барыга? Переодетый мент? На мента вообще-то не похож кардинально, но почему тогда портрет так знаком? Кстати, о роже... она у клоуна не только не русская, не российская даже...

А незнакомец начал нетерпеливо приплясывать. Дескать, давай живее ополаскивайся, некогда мне. Нет, Пепел не измывался, Пепел делал все, как привык, в своем нормальном ритме. И не собирался с не смытым мылом отчаливать от умывальника. Кто ж виноват, что кран всего один?

Мужичок с висюльками поверх рубашки нарочитым жестом задрал рукав пиджака, поднес к глазам часы, типа очень спешит. И что-то недружелюбно проквакал по-нерусски. Ах, вот оно как, заграничная морда!? «Часы-то „Роллекс“, – отметил между делом Пепел. – Будь на моем месте Сенька Майданный, точно бы и подрезал. Ну, откуда же я тебя знаю?»

И тут нетерпеливый импорт похлопал Пепла по плечу и поцокал ногтем по циферблату. Мол, баста, хватит брызгаться, русская свинья, некогда мне, время – есть доллары.

Это хамство Пепел кое-как стерпел. Все-таки иностранец, все-таки другие понятия.

– Погоди ты, чучело, – дипломатично скрыв истинные чувства, мирно процедил сквозь обозначение улыбки Пепел. – Если очень спешишь, поплюй на руки, вытри об штаны и геен нах хаузе.

– Факинг фак! – взревел привозной гражданин в черном прикиде, больно сцапал Пепла за плечо и отпихнул от ручкомойника. И сунул свои лапы под водопроводную воду.

– Ах, вот ты как захотел? Побыстрее!? – криво ухмыльнувшись, прохрипел Пепел. – Ну, лады...

И Пепел вытер свои мокрые пальцы о полу черного буржуйского пиджака.

Нерусский детина с перекошенной от ярости физиономией развернулся, звякнув бусами. Отступил на шаг и что-то там пугающее изобразил руками.

И тут Пепла пробило! Да по видакам он видал это чмо! В боевиках про разборки на кораблях и паровозах! В кухонном колпаке и этих же амулетах! Стивен Сигал, так раз этак! Актер и вроде бы борец боевых искусств. Как же, привык, что перед ним все гнутся, а тут какой-то Иван не пропускает к ручкомойнику.

Сигал, брызжа слюной, что-то шипел на английском. Пепел расслышал несколько раз повторенное, понятное и без переводчика «факинг рашен». Сигал размахивал длинными щупальцами, разводил их в стороны, тряся головой. Потом вдруг ткнул указательным пальцем Пепла в грудь и этим же пальцем показал в сторону кабинок. Типа твое место, русский, у параша.

– А это ты зря сделал, петух голливудский, – процедил Пепел, не слишком, правда, надеясь на понимание. И показал Сигалу, по-ихнему, киношному, обычаю средний палец. – Теперь нам с тобою кораблями не разойтись.

Пепел и Сигал стояли друг напротив друга. Стивен был выше Сергея на голову, в плечах, пожалуй, ровня. Более загорелым был Стивен, но Пепел выглядел в стократ спокойней голливудского фигляра.

Однако именно Пепел пропустил выпад американца. Ничего не скажешь, ловок все-таки оказался подлец, все-таки не за красивые глазки его пристроили в Голливуд. Удар в грудь отшвырнул Пепла на стену. Сотрясенный спиной Сергея сам собой включился аппарат для сушки рук.

Под аппаратное завывание Сигал попробовал поставить на русском точку, заехав ногой с разворота в живот. Но тут уж врешь! Может, Пепел у Чаков Норрисов уроки не брал, но кошачью реакцию ему поставили тюремные учителя. Которые не в черных поясах, а в синих наколках.

Пепел, вильнув, ушел от выпада штатовского каратиста («или кто он там у них?»), отпрыгнул в сторону. Тут можно было бы пощекотать америкоса спрятанной в футляре сталью. Но ему же еще сниматься. К тому ж опять – международный конфликт.

Сигал пошел на Пепла, как делал во всех кинофильмах: широким шагом, целеустремленно, прищутив глаза и натянув улыбочку. А Пепел с той же скоростью пятился, как казалось, позорно отступая. Так Пепла вразумляла сама жизнь: главное победить, а как это будет выглядеть – наплюй.

Допятившись до третьей от входа кабики, Пепел схватил прислоненную к стенке швабру и уже сам шагнул навстречу Сигалу.

Стивен перехватил целящуюся ему в физиономию швабру, как перехватывал в постановочных драках бильярдные кии, которые тут же ломал об колено. Только это в фильмах плохие парни застывают, как околдованные, при виде расправы над любимым кием. Пепел же ерундой не маялся. Стоило Стиву овладеть шваброй и увлечься ее ломанием, Сергей с футбольного замаха, да со всей широты души заехал Сигу тупым носком башмака под коленную чашечку.

Что-то обиженно профакав и схватившись за коленку, америкос согнулся. Пока грозный янки тормозил, Пепел вновь нырнул в кабинку, тут же выскользнул обратно и плеснул из плетеного пластмассового ведерочка на Стива белой пургой из использованной и скомканной туалетной бумаги.

Американец взвыл сиреной (чего с ним в блокбастерах не случалось) и по-бабьи стал отряхиваться от прилипчивых бумажек. Причем напрочь забыл о враге: не о киношном враге, а о враге настоящем.

А враг зашел сбоку и провел, пускай неграмотно поставленный, не слишком правильный, если сверять с учебниками айкидо, но зато снарядный, с отяжкой, выброс в печень железного русского кулака. И уж потом сверху, зайдя со спины, опустил сцепленные в замок кулаки на шею рухнувшему на колени Сигалу.

– Вот так, – назидательно произнес Пепел, стоя над растянувшимся на полу сортира голливудским любимчиком. И и вспомнив сочную цитату добавил с ухмылкой, – Никто не может победить меня в сортире!

А далее Пепел шагнул к рукомойнику и вымыл руки как следует.

Войдя в зал, Сергей щелкнул пальцами, подзывая халдея, и заказал еще двести текилы. В сетке сражались новые гладиаторы. Наш, легко признаваемый по борцовскому трико в цветах родного флага, судя по медвежьей комплекции и стойке «наклон вперед, руки растопырены» происходил из греко-римской борьбы. Чужой, легко опознаваемый по негритянскому цвету кожи, судя по козлиным прыжкам и размахиванию кулаками, принадлежал к неунывающему боксерскому племени. И что-то там у них не ладилась схватка не на жизнь, а на смерть, что-то они вообще сойтись не могли.

Нашему разгуливать по восьмиугольной клетке было нелегко и незачем, он и не ходил никуда, топтался на месте, поджидал, играя мышцами. Чернокожий варяг, понятное дело, не спешил в объятия русского медведя, плясал себе в сторонке, описывая акульки круги. Зал недовольно улюлюкал, требуя начать бой всерьез.

Сергей, сверяясь с входным билетом, нашел место. За столиком уже пребывала аппетитная особа лет двадцати пяти. Конечно, ее мини произвело бы фурор даже на нудистском пляже, но больше всего поцарапала Сергею душу родимка на нежной щеке девушки. Девушка, оглянулась на Пепла. И, кажется, он заинтересовал ее крепче, чем бой в восьмиугольнике. Пепел почувствовал в теле сладкую ломоту предвкушения – похоже, ему сегодня не удастся выспаться.

– Ваш заказ, – сдавлено доложил над ухом халдей и протянул бокал с текилой. Оглянувшись, Пепел обнаружил причину трусливого дребезжания в голосе официанта. За халдейской спиной высилось трое мордovorотов с оттопыренными подмышками. В глазах читался наскальной надписью выгравированный приказ главарей – «доставить любой ценой».

– Пошли! – прохрипел, надо полагать, назначенный у них за главного.

Пепел не исключал такого оборота, потому не стал дурным голосом кричать: «Не виноватая я, он сам ко мне пришел!» Просто поднялся, отхлебнул текилы и потопал, бренча льдом в стакане, в окружении откомандированных за ним пацанов. Значит, все-таки наябедничал Сигал...

В дверях зала Пепел обернулся, чтоб узнать, чья берет. Брала наша. Негр все-таки попался и теперь его шоколадная голова торчала из-под мышки борца-классика в триколорном трико. И еще сзади остался растерянный взгляд смазливой соседки. Она, кажется, поняла, что Сергей больше в зал не вернется.

Пепла дожидались на верхнем этаже. То, что со стороны зала выглядело как ряд затемненных окон под потолочными перекрытиями, изнутри оказалось самыми престижными апартаментами. Кресла, диванчики, прозрачный круглый стол посередине, пульта, микрофоны, бар в стене, через окна прекрасный обзор на восьмиугольную клетку с катающимися по полу гладиаторами и на ревуших зрителей.

Народу в зальчике оказалось не много, зато народ, не считая стерегущих авторитетный покой шестерок, был сплошь конкретный и качественный. Народ четко делился пополам: мэны явно импортного разлива и отечественный материал. Особняком развалился в помпезном кожаном кресле – ого! – сам Серега Шрам, центральной смотритель питерских полей, курил толстую сигару, видимо, поднесенную заграничными гостями. За спиной авторитета потягивал что-то из кофейной чашки его верный подручный Ридикюль. Шрама, догадался Пепел, позвали судить-разводить непростой международный конфликт.

Все иностранцы кроме одного, раскидавшего по диванной спинке жирные тела господина, топтались на ногах. А тип на диване выглядел, как помесь азербайджанца с цыганом: маленький, смуглый, нечеловечески толстомясый, с тремя подбородками, с короткими пальцами, запакованными в рыжие перстни, нос свисает спелой грушей, тонкая полоска усов над губой, сальные чернявые волосы, завязанные «конским хвостом».

От российской стороны, держась подчеркнуто своим кругом, здесь пребывали Михрюта, татарин Ильдар, да братья Ермолаевы – Штык и Пластырь – бывшие волейболисты.

Среди импортных гостей сразу бросался в глаза Стивен Сигал с расквашенным носом. Сиг, завидев приконвоированного Пепла, что-то пробубнил, тыча пальцем. Его болтовню никто переводить не стал.

– Свой товарняк он мимо нас прогнал, – Шрам выпустил сигарный дым колечками. – Давай, Пепел, стравливай теперь свой баллон.

Пепел пожал плечами и рассказал, как происходило на самом деле. Все же оказалось, переводчик имелся. Он высовывал лисью мордочку из строя цветастых рубашек импортных парней (почти все или латиносы) и шевелил губами в такт Пепловским словам.

– ...Только в одной точке нестыковка, – первым подал голос татарин Ильдар. – Этот шайтан Сигал плетет, что Пепел его оттолкнул от крана, а Пепел стоит на обратном. Кому поверим, братва?

Из зарубежных рядов просочился очкастый тип, выюлил к ногам босса. Как бомжа чувствуешь за версту, так и в этом типе издали угадывался адвокатишка. Он залопотал на языке, похожем на английский. Забугорный переводчик поспешил отрабатывать зарплату:

– Йе, синьор Лопес говьорить, мистер Сигал его съобственность и есть большой деньги. Капитал, банк, инвестицион. Андэстенд? Лицьо мистер Сигал есть товарни знак, йе. Тьеперь продать тьолько дьошево, андэстенд ми? Кто дать разница в цена?

– Ни фига себе заява! – воскликнул Михрюта и от избытка чувств, хлопнув по спинке стула, слегка погнул алюминиевую трубку.

– Синьор Лопес, йе, влошить в фильми мистер Сигал много мильон долларс. Андэстенд?

– Предьява понятна, – сказал брат-волейболист Штык. – Так и переведи.

– Еще переведи, – добавил другой брат, Пластырь, – что мы верим своему кенту так же железно, как он своему. Потому выходит ничья.

– Может, монетку кинуть на правоту? – пошутил за спиной Шрама Ридикюль.

Пепел молчал, но глаза не прятал. Он свое сказал, теперь говорить должны те, кто старше.

– Йе, синьор Лопес, – не унимался адвокатишка, – не лубить ехать Россия с мистер Сигал. Он взять мистер Сигал по просьба рьюских амиго, йе. Длия презентэшн, длия висьоки рейтинг турнир. Синоьор Лопес есть огорчить от плохой дрюшба.

– Сигал сегодня выступает в клетке? – поинтересовался Ильдар.

– Ноу, ноу, – адвокат даже замахал руками.

– Тогда пусть выступит, – внес дельное предложение татарин. – Да хоть бы против Пепла. Весь сбор смахнем на покрытие издержек. Все разойдутся счастливыми.

– Ноу, ноу, – в ужасе заверещал адвокат, едва до него дошел смысл дикого рацпредложения Ильдара.

– Мистер Сигал есть великий ценность, – гордо перевел переводчик объяснение отказа.

Потом адвокат позволил себе криво ухмыльнуться, выпятить хилую грудь и что-то презрительно процедить. Толмач тоже ухмыльнулся и тоже влил в перевод презрение:

– Ви есть одна мафья, друг друг глаз клевать ноу.

– Значит так, – размочалив сигару в пепельнице, поднялся из кресла Шрам. Вышел на середину. – Раз пошли дешевые наезды всяких шестерок, разбор кончаем. Решение будет таким.

Шрам глянул на поехавшую вниз челюсть переводчика и спецом для него обошелся дальше без непереводаемой игры слов:

– Никто никому ничего не должен. Форс-мажор. Невеселое стечение грустных обстоятельств. Никакого бизнеса, только личное. Личное дело повздоривших пацанов. Тем более серьезных травм ноу, значит, и проблем ноу. А за моральный облом, он же моральный ущерб, мы Сигалу-мистеру такую ляльку, то есть мисс, отвалим, что клиент забудет обо всем. Если нос нужно подлечить – отведем к лучшим лепилам, то есть к самым головастым профессорам по медицинским запарам. А Пепла нашего мы тут за перебор по-свойски сами накажем.

Монолог добросовестно перевели синьору Лопесу. После чего где-то на полминуты в апартаментах повисло молчание.

А потом впервые заговорил сам синьор Лопес. Заговорил, уставившись на Пепла. У синьора обнаружился давящий взгляд красивых фиалковых глаз и хорошо поставленный дикторский баритон.

– Один гаучо гонял свои коровьи стада. Среди тупых коров он возомнил себя торреро. Он выпросил мулету и шпагу, вышел на арену и его задрал первый же задрипанный бык, – вот о чем говорил синьор Лопес, и это коряво переводил завозной толмач. – Никто тебе не поверит, амиго, что ты победил самого Стивена Сигала, зря надеешься. Зато ты отныне обречен сидеть на своем коровьем поле, шагу с него не ступишь, это я тебе обещаю. Да и зачем тебе куда-то еще, амиго? Только среди коровьих лепешек ты герой. Медяк тебе цена в иных местах. Что скажешь, гаучо?

Если бы Пепел не знал, что такое гаучо, он выхватил бы выкидуху. Но Пепел был осведомлен насчет «гаучо», ведь с разными клиентами доводилось пересекаться за карточным столом, и потому ответил лишь словами:

– Если я гаучо, то ты всего лишь бычара. – Вряд ли, конечно, Лопес схватил потаенную подстилку Пепеловских слов. Впрочем, это были не все слова русского, – Я б тебе, амиго, советовал языком чесать поаккуратнее, не у себя. У нас за бурый базар любой ответить может. Будь он хоть весь в пушках и перьях, будь он хоть король, хоть барон.

– Храбришься, – дослушав перевод, растянул пухлые губы в недобрую улыбку синьор Лопес. – Если б мне было не жаль выбрасывать деньги на ветер, я бы выкупил твою жалкую жизнь с потрохами.

– Ну попробуй, амиго.

Взгляд у смуглого пахана был, конечно, тяжел, но Пепел держал его на все сто.

– Смелый? – зачем-то спросил, продолжая скалиться, работающий под дона Карлеоне синьор. – Так приезжай ко мне на ранчо в Аргентину. Или, хочешь, в мой швейцарский замок? Или в мой личный мексиканский городок. Или в мою польскую усадьбу. Или на мой остров в Карибском море. Или по своему выбору. Я везде тебя встречу, амиго.

– Может, и заеду как-нибудь, – пообещал Пепел. – Разговор договорить. Только шестерок побольше при себе держи.

– Как-нибудь? – чуть не обрадовался Лопес. – Зачем «как-нибудь»? Жизнь мою хочешь? Я тебе могу ее предложить, мне не жалко. Могу предложить ее прямо сейчас, бери. Больше никогда не предложу. Если ты мужчина и не бросаешь слов на ветер, бери мулетту и выходи на арену. Я люблю корриду, амиго. Ты назвал меня быком, а себя торреадором, ну давай, заколи этого быка, попробуй...

Пепел заводился, потому что его заводили. Может, этот Лопес по жизни был рожден игроком и ему, как алкашу стакан, требовались новые азартные игрища, когда старые уже прискучили. Короче, как бы там ни было, а распалить, доводить до бешенства, и подписывать на свои бредни Лопес умел...

* * *

– Почему?! – кричал Димон на кухне. – Почему ты не стал отмазываться?! Почему не отошел на шутках?

Наверное, потому, что люто возненавидел Пепел тогда маленького жирного Лопеса и, едва замаячил хилый огонек надежды наказать этого цыганско-латинского царька, как Пепел ринулся мотыльком на этот огонек. И, как мотылек, угодил в полымя.

– Кто он такой этот Лопес? – спросил вдруг Пакет.

– Да, ясно, кто. Поставляет кокаин по разным странам. К нам тоже притащился не на мордохлест любоваться. Это уж так, попутно. Он заявился сюда прощупать тему поставок наркоты в Россию-матушку и через Россию-матушку. Ну, а лишние деньги Лопес вливает во всякие мероприятия с честным бизнесом типа Сигаловских боевиков. И Лопес счастливо лопаётся от уверенности, что нет на его резьбу своего болта...

– Думаешь, ты будешь этим болтом? Да он тебя прихлопнет на первой же станции. У него ж подвязки по всему земному шару. Во что ты влез, Пепел!?

– Ну, если по-другому до него не добраться, – Пепел скovyрнул пробку с очередного пузыря водки. – А добраться очень хочется...

Добраться до смуглой глотки синьора Лопеса действительно очень и очень хотелось. Но добираться придется окружным путем. И вот почему... Потому что Лопес подбил Пепла на страшный, странный, невозможный спор. Сергей должен совершить путешествие вокруг земного шара и вернуться в Питер первого июля. Сергею нельзя пользоваться самолетами и подводными лодками (Лопес что-то краем слыхивал про подводные кругосветки советских атомоходов), и по пути Сергей должен последовательно отметить в пяти контрольных точках – Прага, Заир, Нью-Йорк, Япония, Петропавловская крепость – именно в таком порядке. Так, отметить, чтобы не оставалось никаких сомнений в реальности вояжа. Все условия пари задокументировали на бумажке, и бумажку заверили подписями уважаемые люди.

Глава первая. 14 апреля 2002 года. Воруют все!

*Будем кружить,
Петь и дружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.
Утро зовет
Снова в поход...
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.
«Случайный вальс»*

Стихи Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина

– У вас очень интересные глаза. Насыщенный цвет стали. Как бы мы ни строили визаж, их не «приглушить», встречные всегда будут обращать внимание на глаза и запоминать вас по вашему взгляду, – смущенно призналась суетящаяся вокруг Сергея красавица.

Отсюда сквозь витрину открывался прекрасный вид на сине-бело-златокупольную церквушку и втиснутый в строй старых узловатых тополей проспект. И чтоб не лишиться возможности любоваться этим видом, Сергей отказался от стрижки и заказал подобрать по компьютеру подходящий имидж.

– Все воруют, приятель. Только некоторые прикидываются честными, – заявил Пепел, устроивший наблюдательный пункт в мужском зале самого навороченного на Петроградской стороне косметического салона «Квази-мода».

– Я никогда ни у кого! – мозолистым кулаком в перстнях стукнул по подлокотнику парикмахерского кресла пузатенький клиент с сиреневым носом. Судя по костюму, жил он с доходов собственной средней оптовой фирмы. Судя по физиономии, имел бурное прошлое и любил заложить за воротник. И еще одна неизгладимая черта – толстяк относился к породе людей, которые сами верили любым своим бредням.

Но это была настолько наглая ложь, что Сергей даже не сразу нашел, как продолжить тему. Срезать пузана укором напрямую, дескать, честному торгашу в России не выжить, не хотелось. Это поставило бы точку под диспутом, да и Пепел чересчур рановато продемонстрировал бы свою проницательность. И Сергей завернул с тыла:

– А у государства разве не крал? Так уж никогда, ни гайки? Даже в прежней, совковой жизни? – Пепел наседали не от большой любви к истине, просто надо было навести в салоне мосты, чтоб потом мельком задать парочку действительно важных вопросов. На пылающую благородным негодованием рожу толстяка оглядываться было некогда, гораздо больше Сергея интересовало то, что творится за окном.

– Может, и брал. Брал, а не воровал! – заслуженный «из грязи в князи» сжал пролетарский кулак, на котором перстни выглядели, как узбеки на атомной подводной лодке. – Свое брал. Что недоплачивали. Не продавать из-под полы брал, а на хозяйство. Гвозди-"сотку" там, цемент для дачи, рубероид.

Ловко орудующая маникюрным железом вокруг заскорузлых ногтей толстяка блондинка (крайний сексапил) поймала убранный руку и припечатала назад. Ее лазурный халатик славно оттопыривался на попе.

– А Господу нашему при подсчете грехов все едино будет, гвоздь или картину Рубенса из Эрмитажа, на продажу или для жены, один раз или регулярно. Грешен – значит, будь добр пожаловать в ад, – пугнул присутствующих холеный и эстетствующий, будто Арамис из «Трех мушкетеров», явно не бедствующий служитель культа, которому вторая красавица делала из рыжей бородки произведение искусства. Одна ряса батюшки, из шерсти австра-

лийских овец-мериносов, похоже, стоила, как приличный мерседес, – Значит, всей не умеющей не воровать матушкой Россией в преисподнюю и отправимся.

– Чтобы приглушить насыщенность ваших глаз, я бы рекомендовала весь костюмный ансамбль решать в «железных» тонах. Это «размоет» впечатление, – предложила охаживающая Сергея брюнеточка.

Сергей не возражал, пусть сним подольше повозятся, он специально заказал почти невыполнимую по визажу задачу. Уставшая охотиться с пилочками для ногтей за непоседливыми пальцами толстяка блондинка тоже решила высказаться:

– Это что, у меня соседи по коммуналке, приличная семья, муж работал на Ливизе. Так вот он переконструировал на новый лад куртку и брюки. Всякие непромокаемые карманы, система трубок от капельниц, вшитые под подкладку воздушные шарики. Вместе с женой не один день думали и шили. Потом до двух ящичков водки на себе выносил. И охрана его не тормозила – ничего ведь не оттопыривается, не вздувается, идет мимо мужик нормальной толщины. Потому как водка распределялась на теле равномерно.

– Вранье, во-первых, если равномерно, то как быть с силой притяжения? А во-вторых, не воздушные шарики это были, а презервативы! – поставил диагноз шустрый паренек. Молодой, да ранний, одетый в отутюженный костюмчик, крикливый галстук и белоснежную рубашку. Скорее всего, менеджер из ближайших офисов. – Зато у нас бабулька, хоть на пенсии, а работает. Пятнадцать лет таскает из кондитерского цеха между грудей сахар, тесто и сливки, – в салон паренек явился, стриженный под ежика, и объяснил, что поскольку короткие стрижки вышли из моды, ему срочно требуется парик. Теперь на фоне батареи одеколонов перед пареньком выброшенными на берег медузами лежала дюжина париков. И он каждый степенно примерял.

Наконец переставший отдергивать обрабатываемую блондинкой руку толстяк ностальгически закатил глаза:

– А у нас прежний мастер рельсы воровал. Надо же что-то воровать. В метрополитенском депо я, ребята, ишачил. И рельсов по нашему огромному депо разбросано было невидано-немеряно. С глубоких советских времен сменяемые рельсы просто оттащивали в сторону и оставляли ржаветь в густой траве и колючих кустах, а ближе к Перестройке сообразили сдавать в металлолом. Мастер вывозил чин-чинарем по государственным мандатам. Но одну рельсину отдавал во имя государства по безналу, десять – для себя за хрустящие рубли. А мы ему этими, – толстяк предъявил слушателям трудовые мозоли, – руками грузили сволочные железяки на шаланды. Ох, и тяжеленные, заразы! Так хоть бы по пузырьку нам за труды выкатывал. Фиг! Жадный был очень. Михайлов его фамилия.

Проверив идею на компьютере, брюнеточка стала заламывать руки вокруг Сергея:

– Опять ничего не получается, у вас слишком волевой подбородок. Если убрать «яркость» глаз, начнет работать общая фактура.

– Мать-природа стоит на воровстве. Или отнять, или украсть, – выдал глубокую мысль Пепел, кстати, заглядывающий в вырез халатика склонившейся брюнеточке. Чуть широко-вата в плечах, зато фигурка точеная, наверное, шейпингом юное тело изводит. – Звери тащат все подряд из лесов, полей и даже из курятников. Мы занимаем без благодарности чужой опыт и идеи у соседей, чтоб не ошибиться самим. Красавицы лямзят наши деньги, мы похищаем у красавиц их молодость. – Сергей улыбнулся самым краешком губ, заметив, что брюнеточка прочитала его взгляд, но лишать Пепла удовольствия не стала. Похоже, намекает на перспективность контакта, – Ученые уводят у природы ее тайны, бизнесмены скупают краденное или отнятое и перепродают. Композиторы крадут ноты из нотной грамоты, а слушатели тибрят у композиторов мелодии, потом ходят и напевают ворованное под нос. Писатели бондят у народа смачные слова и забавные байки, а народ из их книжек крадет крылатые

фразы и всякую мудрость. Короче, происходит круговращение воровства в природе. Только не за все еще пока сажают.

После такого глобального вывода все поневоле притихли, с уважением косясь на Сергея.

– Что-то не то у нас тут по району сегодня, как-то не так, а в чем дело не пойму, – предложил новую тему Пепел, который в этих краях являлся гостем наиредчайшим.

Понятно, прежде всего, он рассчитывал на бдительность работниц зала. И не ошибся. Блондинка, тоже, видимо, стараясь очаровать интересного клиента, опередила брюнетку:

– Людей-афиш чего-то много болтается. То всегда у метро толклись, а сегодня тут разгуливают. Может, их от метро поперли?

Действительно по скверу между ларьками, по тротуарам Большого проспекта и прилегающего к нему переулку бродили люди, грудь и спину которых закрывали плакаты с картинками и надписями из области «Только у нас в магазине настоящий стиральный порошок» или «Магистр эзотерических наук Адвендей навсегда избавит от кариеса по адресу...». А ведь под плакатом что хочешь можно спрятать, вплоть до пулемета Стечкина. Да и слишком уж крепкие и молодые пацаны для такого низкооплачиваемого занятия ошивались по округе. Чересчур уж пристально разглядывали эти двигатели прогресса прочих пешеходов...

Брюнетка кольнула напарницу полным ревности взглядом и, конечно же, отмалчиваться не стала:

– Еще вон арку перегородили, видите, рыжие жилетки в асфальте ковыряются. Еще вчера никого не было. Отремонтируют на копейку, а спишут потом на миллион. Хотите, я вам расскажу, как...

– Нет, лучше я расскажу, как у нас в депо круговую пожарную дорогу строили и сколько при этом сперли...

Именно ради этого момента истины Пепел и забрался в кресло, за этим и вступил, выражаясь шпионским языком, в контакт с местным населением. Чтобы прежде чем лезть в пекло, осмотреться чужими наметанными глазами. И вывод из добытой информации получался неутешительный: Пепла ждут и крепко обложили подходы, вернее отходы.

Ведь Пепел хотел отбыть за бугор самым законным порядком: с загранпаспортом в кармане и с визами внутри свежего документа. Ясно, он не поплелся в ОВИР, где б его промурыжили до воссоединения России с Украиной. Имелся у Пепла знакомец по первой отсидке, чалившийся в те годы по фарцовой статье. Петя Карназовский по кличке Сабонис. Освободившись, Петя завязал, тем более – на волю он вышел уже в перестройку, когда фарцевать позволялось в открытую. Там-сям терся по жизни Сабонис, а нынче возглавил турфирму.

Вчера Сергей навестил знакомого, а сегодня, как условились, прибыл на Петроградку за готовым документом. И вот выясняется, что турфирму превратили в западню для Пепла. Ну, надо ж так, а!? Ради презренных буржуйских тугриков охотиться на своего же соотечественника? Русский русского предает! В войну фашисты едва наскребали по одному полицая на деревню, теперь же... Совсем прогнил этот мир.

Еще один нехороший вывод электродрелью буравил мозг: синьор Лопес круто взялся за дело и нашел местных гнид, чтобы те не выпустили льва из его российской клетки. Гниды, к сожалению, оказались головастыми. В два счета просчитали ходы, проббили знакомства. И квартиру Пепла, небось, уже тоже пасут, как медведи идущего на нерест лосося. Хорошо, Пепел перебрался на Васильевский к Иве, которую отбил у какого-то босса от рекламы на презентации третьей модели БМВ.

Правда, сегодня возвращаться к девушке с длинными, как Ниагарский водопад, ногами Иве, увы, никак нельзя – ее или уже вычислили, или вот-вот вычислят. Ладно, Пеплу в дорогу хватит того, что у него сейчас при себе: выкидухи, «Беломора» и последней пачки евроденег.

– Взятые в долю пожарники составили для отмазки обоснование, что дорога нужна им позарез, – вещал навязанную байку бывший деповской мужик, а ныне оптовик средней руки. И не оставалось Секретом для Сергея. Что через минуту торгаш, забыв про осторожность, созреет похвастаться окружающим о своих нынешних неладах закона. Язык мой – враг мой.

Но не до торгаша сейчас. Что ж, и ежу понятно – соваться в Петину турфирму нельзя. Но теперь некогда и негде делать фальшивый загранпаспорт. Придется обходиться без него. Тем более, по тому, как круто взялся Лопес за дело, предельно ясно, что не дадут Пеплу легально перешагнуть ни одну границу. Синьор Лопес не покусится засветить перед каждой таможенной фото Пепла, как особого опасного русского мафиози, пробирающегося из Чечни к Бен Ладену на инструктаж.

– Вы знаете, ничего не получается, – совсем опустила руки брюнеточка. И ее можно было понять. Пепел заказал имидж: «Такой, чтоб сегодня вечером расстаться со своей подружкой. Причем, подружка сама должна начать сору». Но найдите такую дуру, которая сама, по доброй воле, решит порвать отношения с этим сероглазым парнем?

* * *

Синьору Лопесу вполне по карману развесить вокруг всех границ плакаты с фото Пепла. Дескать, сто тысяч долларов от правительства банановой республики за голову живого или мертвого. Но лучше мертвого, поскольку знаменитый русский мафиози Сергей Пепел сурово вооружен, и бить его надо, как белку, пулей в глаз и сразу насмерть. А еще для верности Лопес может просемафорить ту же тему Интерполу. Так что не проходить Пеплу досмотры, не задумываться при ответе на извечные пограничные вопросы «Везете ли оружие, наркотики или диких животных?», не отовариваться в такс-фри.

Но свой серпасто-молоткастый с проставленными в нем двумя судимостями, отданный Пете-Сабонису для оформления загранксивы, Пепел во вражеских руках оставлять не собирался. Думаете, не отберу? А мы посмотрим!

Пепел одиноко сидел на скамейке в скверике, на две улицы удаленном от офиса туриста Карназовского, котом шурился на млеющее в подушках облаков солнышко, прихлебывал из горла пиво и ждал. Он примерно представлял себе, как невдалеке разворачиваются им же и заказанные события...

...А Петя-Сабонис представлял себе сегодняшний урочный час так: приходит Сергей Пепел, с улыбкой протягивает руку ковшом, чтобы ему туда положили оплаченный загранпаспорт, который Петя, разумеется, этой зековской морде не сделал. Но тут к Пеплу справа с невинным видом приближается громила, исполняющий роль обычного клиента, и тюк Пепла кастетом по затылку! А слева вскакивает другой громила, работающий под простого офисного клерка, и жух Пепла сквозь рубашку электрошокером! Потом этого назойливого уголовника Пепла, неспособного понять, что на дворе иные времена, где нет места замшелым тюремным порядкам, уволок за руки-за ноги прочь навсегда из Петинной жизни. И в результате Петя-Сабонис получит за труды немножко зеленых денег.

Но Пепел что-то запаздывал, заставляя Сабониса волноваться. Сабонис раздраженно слушал, как третий громила, притворяющийся секьюрити на входе, отшивает честных клиентов:

– Куда?

– В Анталию путевки по триста двадцать долларов у вас?

– По триста двадцать кончились. Остались по четыреста десять.

– Ладно, годится.

– Тьфу, блин, забыл. По четыреста десять тоже не осталось. Есть последняя по четыреста шестьдесят.

– А какой отель? Пятизвездочный?

– Две звезды, до моря пять кэмэ, и транспорт не ходит.

– Вы – сумасшедший?

– Я-то знаю, что нормальный. Но начальство скорую помощь уже вызвало, само табельный пистолет отнять бздит...

– Куда?! – уже на полном серьезе вдруг затрубил в коридоре остроумный громила. И в ответ школьным звонком по коридору покатился серебристо чистый, но уже с ранней наглостью детский голос:

– У меня тут папка работает. К бате родному! Харчи несуд!

– Стоять, щенок!

По коридору затопали тяжелые ботинки догоняющего мальчишку охранника.

– Стоять, подонок! Эй, эй, эй, стоять, уроды!!! Застрелю!!!

За кабинетной творилось что-то необъяснимое. К надсадным воплям охранника прибавился оглушительный перестук и шарканье, захлопали двери. До того нервно слонявшийся по кабинету Петя-Сабонис поспешил к двери. На пути к ней он расслышал, как охранник пронзительно и жутко взвыл «Ой, мамочки мои, бо-о-ольно, ой-йё!» Да что ж это такое в самом деле, в родном-то офисе!?

Турист Карназовский распахнул дверь. По глазам ударил пропитанный горечью из слезоточивого баллончика воздух. И тут же в проем охотничьей дробью посыпались все в слезах и соплях дети разной величины. Не смотря на застывшие картинку слезы Сабонис рефлексивно сцапал за воротник одного из них. Попавшийся стервец тут же заученно затараторил:

– Дяденька, подайте Христа ради на хлебушек, мамка померла, батяня пил и мамку бил, я вступался, меня колотил, я сбег из дому, в школу не берут, в милиции пинают...

Тем временем у Сабониса под мышками и между ног в кабинет прошмыгивали все новые и новые пацанята, разбегались в стороны и носились по помещению так, что от их мельтешения рябило в глазах. За детворой глупо бегали трое нюхнувших слезоточивой дрянью громил, ловили малышня и не знали, что дальше с малявками делать. Сабонис тоже не знал, что делать с пойманным гаденышем, без устали жалобно лопочущим про папку и мамку.

– Атас, банда! Атас! – вдруг громко, отчетливо и без дурашливости прокричал кто-то из беспризорного десанта.

– Атас! Атас! – подхватили крик остальные, разнося его по коридору и комнатам офиса.

Сабонис почувствовал дикую боль в пальце. Взвыл, разжал ладонь, отпуская задержанного щенка, который тотчас выскочил в коридор, только его и видали. Сабонис поднес кисть к лицу и сквозь едко-сопливую пелену разглядел, как на пальце змеиными точками набухают кровью два серьезных прокуса.

А детки растворились вмиг – так растворяются из вагонов каталы, до нитки обчистив лоха, так растворяются из подворотен мошенники, всучившие доверчивому лопуху «куклу» вместо баксов, так растворяется нечаянно выпавший в июне снег...

В руках громилы, работавшего под простого посетителя, осталась опустевшая, вонючая и изгвозданная куртка-"варенка", громила хлюпал носом и обалдело пялился на ее пустые рукава. А под ногами гоблина катался выработанный газовый баллончик.

И вдруг Сабониса озарило. Он ломанулся к столу, на котором оставил лежать приманкой общероссийский паспорт Сергея. Паспорт исчез. И как выяснилось позже, не только он. Из кармана Карназовского пропал сотовый телефон, также ушли в беспризорные дали факс из комнаты внутреннего туризма, календарь со стены, коробка со скрепками, пачка «горящих» путевок на Багамы, косметичка секретарши Юли, запасные ботинки Сабониса сорок четвертого размера...

...Пепел швырнул пустую бутылку дежурящему в сторонке бомжу. Кстати, Пепел грустно сознавал, что, может быть, пиво «Стенька Разин» он пил в последний раз в своей жизни. Или, в лучшем случае, надолго расстается со вкусом «Специального» и «Адмирал-теского». Это какой-нибудь настырный «Гинесс» или «Хайнекен» где хочешь, там и купишь, а настоящее русское пиво, вкуснее которого и нет ничего, проклятые буржуи к себе не везут, боятся конкуренции.

– Зачем бутылку выкинул, дядька? Нам бы отдал. Мы ж для тебя такое дело сварганили, – обиженно пробурчал старший по беспризорной ватаге, представившийся Кривошипом. – А ты вот как...

– В побирушки готовишься? Мы в твоём возрасте в космонавтов мечтали вырасти, а ты на бомжа наметился? – и Пепел, не поленившись привстать со скамейки, залепил шкету педагогически верный, отеческий подзатыльник.

«Вероятно, – подумал Пепел, засунув в карман возвращенную ксиву и отсчитав мальчикам обещанный гонорар, – каждый должен внести свой вклад в отечественную педагогику». И хоть время он теперь должен был беречь, как живую воду, Пепел все-таки задержался в скверике и прочел жадно внимавшим малолеткам лекцию о пользе жизни по понятиям.

Глава вторая. 15 апреля 2002 года. Провожающих просим покинуть салон.

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.*

*А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать.
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.*

«С чего начинается Родина?»

Стихи М. Матусовского, музыка В. Баснера

Локомотивы и вагоны на ночь не успокаивались. Громыхали, лязгали, гудели, стучали, скрипели, бубухали. Без устали надрывалась громкая связь: то хриплым от замороченности голосом диспетчерши, то прокуренными голосами ругающихся с нею обходчиков, сцепщиков, башмачников и путейцев. Вовсю трудилась «горка», сортируя вагоны. Когда какая-нибудь сцепка из десяти вагонов с лесом, раскатившись с «горки», не остановленная вовремя подсунутыми «башмаками», впиливалась в зад формируемого состава, то с непривычки можно было не только упасть, накрывая голову руками, но и прикусить язык.

Пепел вдыхал чарующий букет из запахов креозота, угля, машинного масла, стружки, табака и керосина. Аромат вползал через приоткрытое окно купе. За замызганным окном не бежали телеграфные столбы, не мелькали полустанки, не скакала в просветах между деревьями луна, – короче, не мельтешило все то, от чего так тащатся железнодорожные романтики. За вагонной стеной дремали запасные пути. Вагон же торчал в самом глухом и заброшенном тупике.

Посещение Петроградской стороны навело Пепла на угрюмый вывод, что соваться на вокзалы и в аэропорты ему нельзя ни в коем разе. Всюду наверняка окопались вражьи дозорные. Можно было, конечно, угнать тачку или, на худой конец, подсесть к кому-то автостопом. А в неприметном городишке типа Дно или Уторгоши влезть в скорый поезд, заплатив мзду проводнице, и катить по железной дороге в сторону государственной границы. Но ведь не уснешь на вагонной полке – вдруг по проходу гуськом пойдет охотничья партия с фотографиями Пепла в жилетных карманах? А Пеплу требовалось не только ехать быстро, но и отдыхать. Дорога-то длинная...

– Все узнал, – отложив мобильник и подкрутив фитилек керосинки, сообщил седовласый морщинистый вор с погонялом Стрелочник, поставленный смотрящим по Санкт-Петербургу железнодорожному сортировочному узлу. Поставленный сходом еще при Хрущеве и оставлявший свое занятие лишь вынужденно, когда доктора в погонах выписывали путевку в санаторий «Кича». – Часика через два отправляют товарняк. В него и подселим. А там...

В купе вежливо постучали.

– Ну?! – откликнулся Стрелочник.

– Чайку не желаете? – ласково прохрипели в коридоре.

– Неси.

– Вам сколько? – уточнили из-за двери.

– Мне парочку. А тебе? – Стрелочник глянул на Пепла сквозь круглые очки в металлической оправе.

– И мне парочку, – решил не отставать Пепел.

– А там, – продолжил Стрелочник, когда предупредительный штымп за дверь отвалил в сторону вагонного титана, – в Ровно-Грузовая смотрящим состоит Гусек. Он тебя определит дальше по твоему маршруту. Если надо, зашлет маляву следующим смотрящим.

Стрелочник поднялся – на Пепла пахнуло овчиной от меховой безрукавки вора – откинул крышку сиденья, достал из багажного ящика полиэтиленовый пакет и принялся выкладывать из него на откидной столик газетные свертки.

– Сиди пока здесь. Почаевничаем, за жизнь погудим, – Стрелочник развернул газету, прятанную шмат сала. – Как сформируют, звякнут. Тогда отведу тебя, представлю. Там холодильные вагоны, мясо везут в Житомир, охраной при них человек из наших, – Стрелочник хехекнул, выкладывая на тарелку из фольги вареную курицу и слегка подавленные яйца. – Типа смотрящего по холодильникам.

Стрелочник замолчал, пережидая, пока за окном прогремывает маневровый тепловоз.

– Ишь, гоняется, – он неодобрительно покачал головой. – «Формулы один» пересмотрел. Переходи себе на «Эр-200» и гоняйся, а на маневровых путях изволь соблюдать.

Опять постучали. Тип неопределенного возраста в картузе и резиновых сапогах внес чай в подстаканниках. Звякнули ложечки в граненых стаканах. Когда угощение приземлилось на стол, рядом лег сахар в железнодорожных упаковках.

– Стрелочник, скоро на шестой подгонят триста сорок второй из Чухонии.

– Знаю. Иди, Пила... Достали их напоминания. Думают, у меня слабоумие, – пробурчал старик, когда тип в картузе задвинул за собой дверь купе. – Да, надо будет сходить, приглядеть за работой. Чтоб лишнего не хапнули, там же компьютера едут, понятно, наши хавальник раззывают. Ох, и жадный народ пошел нынче. Одним днем живут, о завтра не думают.

Не совсем прогнал этот мир. Не сдали Пепла воры, а наверняка к ним обращались, сулили нехилые деньги. Или, скорее даже, вовсе не обращались, понимая, что воры на заподло не пойдут. Пока еще кто-то верен понятиям, понятия живы. Пусть понятия держатся, главным образом, на таких как Стрелочник, которые ботают по фене послевоенных годов, когда не всегда и понять-то можно, о чем задвигает собеседник, которые уважают все больше паутиной поросшие песни вроде: про Шилку и Нерчинск, «Гоп со Смыком это буду я», "А по тундре, по железной дороге, где мчится поезд «Воркута-Ленинград».

Сквозь перегородку пробились новые звуки – там включили радио. Бодрый голос приглашал отдохнуть: «Хотите убедиться, что знойными бывают не только „жгучие брюнеты“? Нет ничего проще! Вам на время мгновенно тающих, как айсберг на Гавайях, но все же летних отпусков уготована пара теплых местечек на черноморском или средиземноморском побережье! В самом деле, одни куда только не летают, а мы что – так никуда и не полетим?! В дорогу! Нас ждут семь-восемь излюбленных приморских маршрутов...».

– Эх, чифирнуть бы, да здоровье уж не то, – Стрелочник отхлебнул чаек, макнул в стакан кусок сахара, вытащил, пососал размоченный кончик. – Короче, Пепел, до Ивано-Франковска доедешь королем. Ну, а на Западной Украине самому крутиться придется. Тамошние деловые хлопцы умом совершенно поехали, навроте отцепленных вагонов, которые сами по себе несутся с горы к разобранному мосту. Мол, мы теперича незалежни и сами тут как-нибудь, без сообщества прокантуемся. Все воры как воры, бывлые советские связи поддерживают, новые устанавливают, общее дело ведь делаем. Даже молдаване и те не выкаблучиваются. Одни эти бендеровцы дуркуют. Ну вот в говне и сидят. Жареные семечки друг у друга тырят. У кого больше семечек, тот и в законе.

Сортировка глубоко дышала ночной жизнью. Ночь – самое горячее время не только для джентльменов удачи, но и для транспортного узла. Составы формировывались, расформи-

ровывались, отбывали, прибывали. Рабочий грохот за окном развернул Стрелочника в сторону миропорядковых раздумий.

– Уйду я, на кого Сортировка останется? – Стрелочник отставил стакан и потянулся к пачке «Беломора». – Вохра не справится, куда ей перекрыть такую территорию? Если б не мы, давно бы кирдык пришел жэдэ. К примеру, медь всю бы давно повыковыривали. А без нее светофоры не заморгают, стрелки не переведутся, двигателя не зафурычат. Весь медный провод бомжа и мужичье без нас давно бы со столбов бы скрутили. Нам же этого не надо. Аварий-то. Не поедут пассажирские составы – чемоданы останутся на руках у лопухов, каталам придется перекидываться с самими с собой в дурака. Не закапает копейка в общак. Поездные девочки-шалашовки будут простаивать без работы.

Пепел прекрасно понимал затаенную тревогу собеседника. От звонка до звонка отбывший два срока Сергей сам был составной частью этого исчезающего мира. Первый срок – самый несправедливый. В парке отдыха к Серегиной девчонке привязались трое. Один упал и уже никогда больше не встал. Второй срок – тоже не за сахар. Была драка в бараке, а что делили – вспоминать тошно. И опять слишком тяжелой оказалась Серегина рука. Так и пошел на вторую отсидку, не выходя за ворота.

Тем временем глаза Стрелочника заволочла мечтательная поволока. И Стрелочник завел байку про прежние годы.

– При Сталине на Витебск-Сортировочной смотрящим отвечал за порядок вор Фонтан. И вот раз приводят к нему бабу в шубе, золоте и в слезах. И говорит та баба, мол, устрой, встречу с любимым, ничего не пожалею. А любимого как раз через Витебск должны были этапировать на отсидку четвертака за гоп-стоп сберкасс. Времена тогда стояли суровые, конвой жуть как лютовал. Короче, не то, что встречу не устроишь, к составу с зека просто так не подойдешь. А баба плачет и дудит свое, проси, мол, чего хочешь. Ничего, де, не жалко за то, чтоб с любимым хотя б минутку поголубятничать. Ну, Фонтан извернулся-таки, сладил им свиданку. Потому как проникся такой вот бабьей любовью, да и не с троцкистом каким-то попроситься хотела, а с уважаемым вором, с Арыком, не слышал? Золотишко с бабы Фонтан, конечно, поснимал. Не себе, понятно, вертухаев умаслить. Ну, все прошло пучком, и опосля баба уже без золота, но в счастливых слезах, подгребают к Фонтану и заводят благодарную песню. Мол, проси чего хочешь, ничего не жалко за твое добро. Фонтан рассудил так, что дело он сварганил святое, и нехорошо с Маруськи расплату сколачивать. Иди, говорит ей, домой. Ладно, баба та говорит, пойду и, мол, я сама найду, как тебя отблагодарить. И вот проходит год...

За окном слонами трубили локомотивы, лязгали сцепки, надрывалась «громкая». Стрелочник отхлебнул остывшего чая. Промочив горло, прожевав отправленное в рот нежное, как детская кожа, сало, вернулся к своей истории.

– Через год вдруг к Фонтану на Сортировку заваливает натуральный летчик-капитан. При полной форме, сапоги блестят, как новенькие рельсы. Капитан щелкает каблуками, вручает Фонтану пакет, со всех сторон запаянный сургучом, козыряет и, ни слова не вякнув, отваливает. Фонтан вскрывает пакет, а там записка от бабы той влюбчивой, где она предупреждает Фонтана, что через месяц начнется война с германцем. На дворе-то стоял май сорок первого. И баба та приходилась то ли Молотову женой, то ли Жукову сеструхой. Вот тоже, понимаешь, втюрилась по уши в вора...

Пепел вдруг отчетливо всем загривком почувствовал, что совсем скоро по-русски будет и словом не с кем перекинуться, а заморским языкам он не обучен. И паршиво на душе сделалось Пеплу.

А тут еще за стенкой «Маяк» распинается: «Средняя стоимость проживания в трех-четырех звездочном отеле во всем мире примерно одинакова (не считая Кубы, Монголии и России. Шутка! Откуда в России четырехзвездочные отели?!). Следовательно, разнятся по

цене в основном условия перемещения в пространстве. Так, бывшая „дружественная“ Болгария сейчас доступна в любопытном исполнении: двое суток поездом до Кишинева и ночь автобусом до Варны. В районе этого достославного городка есть два популярнейших курорта – „Албена“ и „Золотые пески“. Две недели с полупансионом (завтрак плюс ужин) стоят 412 у.е...».

– Однажды на станции Свердловская-Товарная, – тем временем заходил на новую байку Стрелочник, – где смотрящим был Гоша-Костыль...

* * *

В Берлине шел дождь, просеиваемый сквозь мелкую лейку. Моросил с неба цвета «фельдграу»². Барабанил по скатам крыш, выбивал дробь из зонтов, стучал, прося впустить, по крышам автомобилей. Вода бежала по водостокам, сбегала по желобам в асфальте к решеткам люков, стекала по лобовому стеклу «мерседеса». В приемнике ностальгически картавила Эдит Пиаф: «Па'гам-па'гам-па'гам...».

Отто фон Лахузен любил апрельский дождь, но не любил Берлин. Он любил Вену, город, в котором родился семьдесят четыре года назад. Город, в котором вальсируют даже кирпичи и строгие государственные учреждения. Город, где если из-за угла тебе навстречу выйдет Моцарт в камзоле, треуголке, помахивающий тростью, ты этому ничуть не удивишься. Город, где его отец Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт служил в разведуправлении австрийского Генштаба до аншлюса тридцать восьмого года. Вена...

Вену отец оставил в тридцать восьмом. Аншлюс присоединил Австрию к Германии, а австрийскую военную разведку включил в состав абвера. Автоматически ставший начальником отца Вильгельм Канарис предложил фон Лахузена, которого давно и хорошо знал, перевод в Берлин с повышением. С Веной расставаться было жаль, но ради перспектив, можно было распрощаться не только с Веной. Отец, конечно, перевез с собой в Германию жену и маленького Отто фон Лахузена.

«Да, – подумал сын великого отца, поглядывая из автомобиля на унылую, дождливую столицу великой Германии, – Берлину не хватает венской легкости, венской ажурной воздушности. Даже в солнечные апрельские дни Берлин остается сумрачен и тяжел».

Сейчас Лахузен возвращался в Берлин из Потсдама, где посетил учебно-тренировочный лагерь «Нового Абвера» и провел несколько важных встреч. В частности с личным представителем или, на военный манер выражаясь, с одним из адъютантов синьора Лопеса Родриго Клементесом.

Клеймо «специалист по...» выжигается навечно, не выведешь. Скажем, майор Нойбауэр, прошедший год на раскопках в Египте, считался специалистом по Африке, и без него теперь не обходилось ни одно совещание по африканским проблемам. Хотя подхвативший в Египте малярию и лишившийся там двух пальцев на ноге Нойбауэр Африку ненавидел. Его бы воля, вообще не смотрел бы на карту ниже широты Средиземного моря. Но он вынужден был давать консультации по Черному континенту, вновь и вновь мысленно возвращаясь в проклятый климат, к «этим чертовым расово неполноценным арабам и неграм».

По приемнику кончилась песня, и эфир завибрировал рекламой: "Традиционно привлекательны для многих немцев курорты Греции. Трехзвездочный отель «Соня-Вилледж» (под городом Геракина, между Кассандрой и Ситонией – в самих названиях есть что-то мифологическое!) пятнадцатидневный отдых обойдется примерно в те же 500 евро, правда, в полупансионе. Привлекают мини-круизы на теплоходах, поездки в Салоники, Афины, а также прочие прелести родины цивилизации. И – море, море... Но чемпион средиземноморских

² «Полевой, серый». Цвет германской военной формы.

пляжей – это остров Крит! Он имеет специальную награду – «Голубой флаг», оспариваемую странами средиземноморского региона как символ чистоты и сказочной привлекательности пляжного отдыха...

Вспоминая встречу с Клементесом, Лахузен усмехнулся. Его в «Новом абвере» тоже считали узкопрофильным специалистом. По Чехии и Словакии. Благодаря тому, что отец начинал службу в австрийской армии еще во время первой мировой войны³, и в австрийском Генштабе с тридцать пятого по тридцать восьмой Лахузен-старший курировал как раз таки Чехословакию. Поэтому в «Новом абвере» заниматься созданием «новоабверовской» сети на территории Чехии поручили именно Отто. И теперь, понятно, рассмотрение вопросов, так или иначе связанных со страной Сметаны, Гашека и Дворжака, непременно требует и будет требовать его, Лахузена, по меньшей мере, консультативного участия.

Тем временем за стеклом автомобиля, с которого «дворники» сгоняли дождевые потеки, замелькали дома Шлахтензее, берлинского предместья, где на улице Бетацайле жил «Вильгельм Канарис», глава «Нового абвера».

Перед выездом из Потсдама Отто Лахузен позвонил на Тирпицуфер 74/76.⁴ и очень удивился, когда узнал, что «Канариса» на месте нет. Однако все разъяснилось после того, как диспетчер зачитал по телефону записку, оставленную начальником для Лахузена. В ней «Канарис» сообщал, что заболела его жена, поэтому он едет домой, и просил, если генерал не почтет это за труд, заехать к нему в Шлахтензее по дороге из Потсдама.

И вот «мерседес» Лахузена засигналил у ворот небольшого дома. Дома, купить который три года назад «Канарис» смог лишь после того, как его жена решила расстаться со скрипкой работы чуть ли не самого Страдивари. Такое желание жить во что бы то ни стало именно в Шлахтензее на улице Бетацайле объяснялось тем, что на этой улице проживал когда-то ТОТ САМЫЙ адмирал Канарис.

В комнатах было жарко натоплено, пахло микстурами и травами. Домочадцы передвигались на цыпочках.

– Пейте, пока не остыло, – «Канарис» поднес чашку к губам, сделал небольшой глоток.

Он был даже чем-то внешне похож на ТОГО САМОГО адмирала: невысокий, хитрые лисьи глаза, совершенно белая голова и манера не говорить, а, скорее, изрекать фразы, поднимая кверху указательный палец. Может быть, внешнее сходство и подвигло когда-то Ганса Цоккенброка уйти в отставку с поста управляющего «Фельд-Банка» и посвятить остаток жизни возрождению абвера в его прежнем величии, тем самым заложив фундамент, на котором продолжатели возведут прочное здание «четвертого рейха». Или Цоккенброка подвигло то, что его отец, как и отец Лахузена, когда-то служил под началом адмирала Канариса? Или все гораздо проще – идея Великой Германии, как пепел Клааса, стучит в сердце каждого настоящего немца? Только одни немцы боятся, предпочитая мечтать, а другие ничего не боятся и ДЕЙСТВУЮТ. Потому что нет уже никаких сил смотреть, во что превратили Германию нынешние политики. Турки, китайцы, албанцы, арабы, негры канализационными водами хлынули в страну, заполонили ее и плодятся, как кролики. А за черной азиатско-негритянской волной тянутся мутными потоками югославы, русские, украинцы, белорусы, все кому не лень, все второсортное человеческое сырье...

– Эти дожди, влажность... На такое время лучше всего уезжать из Берлина. Куда-нибудь в Испанию. К солнцу и морю. – Начальник «Нового абвера» снова пригубил обжигающий кофе. – Супруга болеет редко, может быть, поэтому любая простуда протекает тяжело.

³ То есть когда еще существовала Австро-Венгрия, управляемая Габсбургами, и частями которой являлись Чехия и Словакия

⁴ Адрес подпольной штаб-квартиры «Нового абвера» в Берлине.

«Теперь, на последних ступенях жизни, мы все стареем уже не по годам, а по часам», – посетила Лахузена невеселая мысль. Много ли им осталось?.. А сделать требуется немало, чтобы уйти, не сомневаясь – флаг не останется лежать на поле боя, его поднимут, начатое ими дело будет доведено до победного конца.

Да, к сожалению, без помощи таких, как Лопес, сейчас «Новому абверу» не обойтись. Потому что не обойтись без денег, вернее, без больших денег. А большие деньги, увы, могут принести только наркотики. Но на одно, только на одно никогда не согласится «Новый абвер» – продавать наркотики немцам. Туркам, евреям, цыганам, русским, чехам со словаками и всяким помесям – сколько угодно, их генофонд не представляет никакой ценности для человечества...

Прежде чем начать серьезный разговор, хозяин покрутил настройку приемника, подыскивая противоядие от случайной прослушки. По «Голосу Мюнхена» транслировали туристическую рекламу, оба невольно заслушались: «Прилетев в столицу Крита – город Ираклион, Вы проследуете далее в район города Ретимно. Трехзвездочный отель „Крити-Бич“ с двухразовым питанием предоставит вам две недели незабываемых впечатлений древней критской культуры за довольно приличную сумму в 800 евро. Но родина Зевса, поверьте, того стоит! Искренне любим мы и остров Кипр – родину богини Любви Афродиты. Боги, они, знаете ли, не рождаются где попало... Курортные городки Лимасол и Ларнака давно знакомы немецкому туристу. Две недели „трехзвездочного“ отдыха здесь обойдутся примерно в 600-650 марок, простите, евро. Более престижные Эйнана и Пафос – чуть подороже. Что характерно: на всем средиземноморском побережье – экскурсионные туры, аквапарки, чудесные круизы вплоть до библейских мест, вроде последнего прибежища апостола Иоанна или могилы Богоматери...».

– Рассказывайте, – наконец «Канарис» поставил чашку на стол. Стол, как и вся мебель гостиной, был изготовлен в старопрусском стиле. Казалось, что ты попал на сто лет назад в эпоху Фридриха Вильгельма Третьего. Весь дом убранством своих комнат словно вздыхал по старым добрым временам.

Лахузен пересказал свой сегодняшний разговор с Родриго Клементесом. Много времени это не заняло.

– А ваш кофе, конечно, уже остыл, – произнес «Канарис», когда Отто закончил с рапортом. – Может быть, хотя бы коньяком согреться?

Лахузен отказался – знал, что алкоголь в конце наполненного переездами дня его не взбодрит, наоборот, от коньяка потянет в сон. А ему сегодня еще с бумагами сидеть, проверять отчетность словацкого отделения.

– Так, так, крайне непонятно и крайне любопытно, – «Канарис» перебрался в кресло-качалку, набросил на ноги плед. – Лопес хочет, чтобы мы занялись каким-то русским. Не пустить к означенному месту, по возможности захватить и спрятать на одной из явок, не убивать, не дать завладеть указанным предметом. Почему такая уверенность, что русский окажется именно в этом месте и именно в ближайшее время?

Лахузен пожал плечами:

– Родриго Клементес раскрыл ровно столько карт, сколько поручил раскрыть ему синьор Лопес.

– Конечно, Лопес не считает нужным делиться с нами информацией в полном объеме, – хрустнул пальцами «Канарис». – Этот грязный латинос когда-нибудь пожалеет, клянусь мечом Зигфрида, о том, что вел себя с нами, как с какими-нибудь фольксдойче. Однако зачем, черт побери, какому-то русскому эта чешская дребедень? Вы же у нас спец по Чехии. Может быть, эта вещь, за которой идет русский, представляет немалую ценность?

– Никакой, – уверенно ответил Лахузен. – Хотя ее пропажа бесспорно попадет в передовицы чешских а, значит, и европейских газет.

– Так, так. Может быть, синьору Лопесу как раз и нужен переполох... Воспользовавшись им, он... он провернет какие-нибудь свои темные делишки. Мало, Отто, мало информации у нас. Но недаром же Лопес обещает такое солидное вознаграждение!

Лахузен еще раз пожал плечами. Отто понимал, что «Канарис» сейчас думает о том, а нельзя ли «Новому Абверу» начать свою игру и переиграть в ней синьора Лопеса, как когда-то Шелленберг переигрывал Кальтербрунера.

– Боюсь, я тоже подхватил простуду, – «Канарис» устало потер переносицу. – Может быть, действительно взять жену и укатить в Испанию, как думаете, Отто? Оставлю вас вместо себя. Вы ведь справитесь?

Мотив усталости в последнее время слишком часто проскальзывал в речах «Канариса». Отто насторожился, не кроется ли за этим какой-нибудь подвох? Не желает ли шеф в случае провала свалить на Отто вину?

Повисшую паузу заполнил диктор «Голоса Мюнхена»: «Благородная Испания считается престижным местом отдыха из-за замечательного сочетания мягкого климата, относительной дешевизны, обилия достопримечательностей и необременительного наплыва туристов. Раскрученное курортное местечко Коста-Бланка примет Вас на двухнедельный отдых в трехзвездочном полупансионе примерно за 800 евро, более спокойная Коста-Дорада – примерно за 720-750 евро. Напомню, „коста“ – это побережье. Не пренебрегайте поездкой в Барселону: там есть все, что Вы знаете или хотя бы слышали об Испании! Вам никогда уже не спутать Дон-Кихота с Дон-Карлосом...».

– Ну сейчас не до отдыха, – раскачал кресло-качалку «Канарис». – Придется вам, дорогой Отто, ехать в Прагу. Ничего не поделаешь. Полностью задействуйте чешский отдел, возьмите с собой из Берлина людей, сколько считаете необходимым. Не приходится вам говорить, насколько важна для нашего общего дела любая финансовая поддержка. Вернетесь с победой, тогда и о коротком отдыхе подумаем. Я со своей стороны наведу справки и попробую просчитать игру Лопеса. Так что после, дорогой Отто, поедем на отдых. Кстати, говорят, недорого и с большой пользой для здоровья можно провести время в Карловых Варах.

Лахузен не сомневался, что беседа с «Канарисом» тем и закончится – придется собирать чемодан. Отто не хотелось в Прагу. Ему не нравились страны, где не говорят по-немецки. Но ничего не поделаешь. Дисциплина есть дисциплина.

Да, Чехия – навязанная ему любовь на всю оставшуюся жизнь. Что-то сродни той же малярии майора Нойбауэра – раз подцепил и не отделаться вовек. «Так и во всем. Человеческая жизнь напоминает путешествие по железной дороге, – повело Лахузена в этот дождливый час на обобщения философского порядка. – Рождением, положением, окружением тебя ставят на рельсы определенного пути, по нему ты вынужден двигаться. И изменить заданный маршрут предоставляется возможность лишь на редких стрелочных переводах. Проскочил стрелку и жди следующей. А следующей уже может и не быть».

* * *

Четырех работников мелкооптовой «точки» заперли на складе, посетителей отсекли табличкой «переучет», кошку Машку же пощадили или не заметили. Она шмыгнула на первую полку демонстрационного стеллажа и сейчас выглядывала из-за бобин капроновых веревок.

Отсюда Машка вполношено наблюдала, как трое двуногих с грохотом и криком уложили на пол четвертого, закатали его в снятую с полки «продуктовая упаковка» пленку и обмотали поверх липкой лентой. А потом еще попинали получившийся рулон ботинками.

– Мешков для расчлененки фирма не предлагает. Упущение. Ходовой товар профукали, – пошутил бугай в синих штанах с полосками, прогуливаясь вдоль стеллажей и безжа-

лостно сбрасывая вниз скотчи, стэплеры, зубочистки деревянные и зубочистки пластиковые, пленку парниковую, разовые стаканчики и тарелочки для закусок. Положил в карман брезентовые рукавицы, пробормотав что-то про машину. Добравшись до стены, которую, как лоскутный гобелен, закрывали целлофановые пакеты всех мыслимых размеров и расцветок, немного постоял с наморщенным лбом, поводил туда-сюда глазами. Потом, приподнявшись на носках, Бугай снял с гвоздика пакет с новогодней тематикой, оторвал ценник «0,033 у.е. за шт. от тыс. шт.» и, отходя, задел пенопластовый подносик с блюдцем на полу.

Второй сделал погромче звук в магнитоле, чтоб глушить вопли пленника. Торговый зал тут же наполнился рекламой: «Если Вы не согласны с поэтом: мол, вреден север для меня – развейтесь в Скандинавии. АвиAPERелетом Вас доставят в Стокгольм, Копенгаген или Осло. Погуляйте, попейте кофе: невозмутимость „горячих финских парней“ успокаивающе действует на взбаламученную российскую душу. Пяти-семидневное проживание стоит в среднем 450у.е...»

Кошка не сдержала возмущенного мяуканья, когда из перевернутого блюдечка полилось недопитое молоко. И можно бы успеть, подскочить да вылакать, но страх покидать бобины пересилил. Хотя Машка и привыкла к посетителям, среди которых раз в день обязательно попадались сумасшедшие, но сегодняшние двуногие напугали ее нешуточно. После происшествия с блюдечком кошка без колебаний занесла троицу в отдел «плохие». Туда, где числились собаки, крысы, вентилятор, грузовой шофер Егорыч, кот Филька из коммуналки наверху и девушка из налоговой полиции, под шумок плановой проверки укравшая прежнее блюдечко для молока. Кошка занесла в «плохие» только троих – тех, кого видела впервые. Бесхвостого, который лежал на полу в полиэтилене, Машка знала. Этот иногда заходил на «точку», запирался с хозяином, выходил оттуда, попахивая так, как всегда попахивал грузчик, кошек не трогал и однажды даже положил в кошачью кормушку недоеденную шаверму. Он значился у Машки в отделе «полухороших».

– Раз твое погоняло Пакет, погонялом и получай, – бугай в синих штанах натянул пакет на голову пленника.

Вот почему он выбрал новогодний пакет – из-за затяжек на горловине, предусмотренных для того, чтобы дети не углядели подарки раньше времени. Бугай крепко стянул затяжки на шее спеленатого Димона.

– Теперь ты, сволочь, быстро вспомнишь, что дружишь с Пеплом! Ты сейчас все перескажешь, о чем с Пеплом базарили! – и второй из «плохой» троицы заехал тупорылым ботинком по облепленной полиэтиленом печени.

– Сейчас он нам про все Пепловские планы распишет. Захотим, стихами распишет, – добавил третий, наклонился к Пакету и покачал головой. – Неплотно. Надо скотчем залепить, чтобы воздух не прошел.

Третий подобрал с пола катушку скотча и обмотал липкой полосой горловину, закрыв новогодних зайцев и крепко прижав целлофан к шее.

Машка отвлеклась от слежки за двуногими, потому что вдоль кассиршиного стола с вечными шоколадками в нижнем ящике к мусорному ведру пробежала мышь, живущая в дыре за плинтусом. Инстинкт, конечно, гнал преследовать серую мелкоту, но Машка всегда позволяла ей юркнуть в норку. Вот крыс Машка догоняла всерьез и душила сразу, без сантиментов. Мышь скрылась за мусорным ведром, и кошка вернула взгляд на середину торгового зала.

Моталась из стороны в сторону, стуча по полу, накрытая пакетом голова пленника. Шурша, дергались, извивались целлофановые деды Морозы со своими снегурками. Кататься пленнику по полу, выгибаться дугой не давали насевшие на него сверху сразу двое мучителей.

– Отрывай, а то задохнется! – орал один из них. – Отрывай!

Оторвать никак не получалось, скотч не поддавался. А пленник извивался все отчаяннее, у него началась агония.

– Режь, режь! Да режь же к едреням! – скакал вокруг и размахивал руками бугай, выбравший из богатого ассортимента новогодний пакет. – Дырку протыкай!

Один из прижимающих жертву к полу бандитов выдернул из кармана штанов нож-бабочку, махнул им, выбрасывая наружу тонкое лезвие. Поднес перо к напластованиям скотча и – как раз в этот момент ослепленный мешком пленник резко вскинулся и напоролся горлом на острие.

Секунду-другую бандит недоуменно пялился на окровавленную сталь, потом взрезал пакет, разодрал его, высвобождая из целлофанового плена голову Димона. Но все уже было закончено.

– Ты же убил его, придурок!!!

– Мокруху на себя повесили, братва.

– Уходим!

– Куда уходим! Сбрэндил?! Заворачиваем в пленку и тащим в машину. И за город, по Токсовскому шоссе. Закопаем в лесу.

– А что с магазинщиками?

– С ними? Мокруху они не видали, так? В ментовку по изчезновению делового не заявят. Не будет от магазинных ваще никакого кипежу. На хрена им лезть в игры братвы, так? Значит, оставляем в кладовке. А вернемся, выпустим и объясним, что теперь их крыша – мы. Только надо будет кровищу замыть, как из брандсбойта хлещет.

– Ну и замой.

– А почему я?

– Потому что самый умный. Пером махать осторожно до сих пор не научился.

– Ну-ка, гляньте туда, братва! – виновнику смерти Пакета очень не хотелось браться за грязную работу.

Машка, когда в ее сторону разом повернулось три пары глаз, втянула ушастую голову за бобины, но было уже поздно. Заметили.

– Пацаны прогоняли, что у кошки в башке остается то, что она видит. Записывается там у нее все, как на дивидишник. Пацаны прогоняли, что мусора типа освоили доставать с прибором из кошачьего мозга всякие картинки.

– Туфта.

– А если не туфта?

– Ну ладно...

Бандит снова вытащил нож-бабочку.

– Кис, кис, – двинулся он к полке с бобинами капроновых веревок, – Я ее ща... А вы пока кровищу уберите.

Другой пробубнил:

– Кошаки-то погорластей людей будут, – и врубил звук магнитолы на полную мощь.

Магнитола стала надрываться из последних сил: «Хотите посетить плавучий город „Силья-Лайн“ и убедиться, что паромом его называют только по недоразумению? Видели Вы на пароме рестораны, ночные клубы, магазины duty-free? Или только пару нетрезвых паромщиков? Маршрут „Силья-Лайн“ включает Хельсинки, Турку, Стокгольм, Осло – и все это за семь дней! И примерно за 400у.е. в 2-х- или 4-х-местной каюте. В общем, купите выбранный тур, возьмите денег (до полутора тысяч у.е. можно ввозить не декларируя – это общее правило) и езжайте себе – плывите, летите... Ручаюсь, даже соскучиться по дому не успеете!...».

* * *

С Родиной теперь по настоящему, то есть прочувствовано, и не попрощаться. Потому как с чего теперь заканчивается Родина, какая песня ответит на этот вопрос? Раньше было понятно. Вспаханная полоса, столбы с надписью «СССР». Пограницы в зеленых фуражках остаются у тебя за спиной – значит, ты уже на чужой земле. Теперь же наши пограницы, которых и не видишь, остаются позади, когда ты уже катишь по Белоруссии, но Белоруссию язык не поворачивается обозвать чужой землей. А границу с Украиной как прикажете воспринимать, граждане начальники?

Среди прочих и такие мысли окатывали Пепла на рельсовых дорогах. Путешествие складывалось скучное, что не могло не радовать. Потому что все, что способно нарушить эту скуку, легло б не в масть: бандиты Лопеса, бандиты, нанятые Лопесом, менты и пограницы, купленные или обманутые Лопесом. Собственно на то Пепел и рассчитывал – охотники сбились со следа и сейчас, скорее всего, готовят встречу на подступах к контрольной отметке.

В вагоне-рефрижераторе можно было с комфортом объехать земной шар по кругу. Ну, конечно, у кого какие требования к комфорту. Пеплу же по жизни требовалось немного: чай с бутербродами, пачка «Беломора», свежие носки. А тут в придачу обзор из окошка на просторы родной стороны, шипучий, как шампанское, приемник да два зачитанных до дыр детектива про подвиги разведчика.

Приемник то пел голосом Киркорова или Пугачовой, то бессовестно грузил рекламу: «Исторический неприятель, курортный конкурент Болгарии – Турция все так же шумна, говорлива и гостеприимна. Россиян ждут золотые пляжи Анталии и Кемера: отель „Дельпинар-Клуб“ в 19-ти километрах от последнего за 545 у.е. распахнет Вам на две недели двери двухместного номера в режиме all-included (буквально – „все включено“). Любопытный пансион: трехразовое питание „от пуза“ плюс бесплатные турецкие напитки (по слухам – с алкогolem и без). Вам хочется турецкой кожи и дубленку жене?.. Пожалуйста: из Анталии идет автобус в Стамбул (18 часов) – терпите, но едите: там всё дешевле в два раза...».

Хранитель холодильников хлопот не доставлял: от станции до станции дрых себе взахлеб, а просыпаясь, с разговорами не лез, водки не пил (сразу же по знакомству рассказал, болезненно морщась, про беду свою – язву). Пепел скоро понял, что мужику просто лень раскрывать рот для чего-нибудь еще крове жратвы. Видимо, по причине врожденной лени он и профессию себе избрал именно такую: спи под монотонный перестук, следи за показаниями надежных холодильных приборов, просыпайся, если вагон начнут взламывать и грабить. В виду последнего холодильщика крайне устраивал попутчик, особо такой авторитетный, каким ему представили Пепла. Можно спать уж совсем спокойно. А спал сторож холодильных вагонов, как правильный кот, часов по четырнадцать в сутки.

На некоторых станциях приходили люди, шептались с холодильщиком, заходили с ним в рефрижератор, потом Пепел видел в окошко, как они отваливают с завернутой в целлофан бараниной.

За окнами давно отмелькали унылые полустанки российской глубинки, провинциальные вокзалы, похожие друг на друга, как пивные бутылки. Теперь видеотреком езды по железке тянулись белорусские поля, леса, станции и полустанки, отличимые от российских разве названиями населенных пунктов. Скоро уж их товарняк докатится до Ровно-Сортировочная, где предстоит пересадка на другой попутный поезд. Может, придется обходиться вообще без комфорта. Ну, уж как придется.

А приемник все старался соблазнить экзотикой: «На северном побережье Африки Вас ждет незабываемый Тунис! Запомните побыстрее, что стоимость двухнедельного поста там составит 350-450 у.е., и постарайтесь поскорее забыть! Потому что там – сафари по Сахаре,

арабские базары и древние мечети, изумительный дайвинг (подводное плавание с маской), поездки в Карфаген (Карфаген!) и талассотерапия (лечат чем-то из моря...), римские акведуки и мозаичные панно... Джипы перебегают дорогу верблюдам... В городе Сус остановитесь в отеле „Ройял Салем“ на 11 дней и 10 ночей – и Вы не пожалеете отдала это примерно 550 у.е. В Тунис хочется возвращаться, хотя там попроще, чем в Испании, и победнее, чем в Турции...».

А пока Пепел все больше лежал на полке, читал «Броня крепка» и «Линию Маннергейма», наслаждался отдыхом, да думал про то, как дальше быть, как дальше жить...

Глава третья. 18 апреля 2002 года. Как карта ляжет.

*Черные силы мятутся,
Ветер нам дует в лицо,
За счастье народное бьются
Отряды рабочих-бойцов.*

*Далека ты, путь-дорога...
Выйди, милая, встречай!
Мы простимся с тобой у порога,
Ты мне счастья пожелай.*

«Тучи над городом встали»

Стихи и музыка П. Арманда

Закарпатье, город Борислав. 11.04 по хохляцкому времени.

По торговым рядам колхозного рынка Борислава легкой карпатской походкой топал человек в расшитой коричневым узором гуцульской жилетке с меховым подбоем, и в широком кожаном поясе с надраенными медными бляхами. Человека в жилетке по спине мягко шлепал большой, но явно не тяжелый, холщовый мешок. От колоритного парубка не отставал потрепанный мужичок бродяжного вида с алкоголической припухлостью лица и с такой же, как у гуцула, торбой за спиной.

Гуцул остановился напротив прилавка, за которым, уперев руки в бока, поджидала покупатель пышнотелая молодуха в платке с журавлями. Сонная молодуха торговала несвежей огородной-полевой продукцией: кореньями, сухофруктами, сушеными травами, соленьями, вареньями и маринадами.

– Гы, – сказал человек в жилетке и вытянул палец.

А рынок вокруг шумел, бурлил не хуже Сорочинской ярмарки: «Положь ботинок, говорю, шановный громодяныну! Знаемо цэ „на що мне один?!“ Один у меня, другой на сусиднем рынке сопрешь», «А ну кому кавуны женехив завэртаты?! Вид десяти штук богатые скидки», «Самэ гарнэ сало на свити, налетай!», «Эй, дэвушк, иды суда, чего скажу», «Ты покуштуй! Дрожжи першый класс!»

– Гы! – опять мугыкнул гуцул, громче и напористей чем прежде, и дотронулся пальцем до пучка сушеной «червоной руты».

Прочие висающие над головой торговки вдоль веревки пучки тревожно зашептались – душистый чебрец, любисток, зверобой...

– Що треба-то, вуйку? – наконец проснулась молодуха.

– Траву твою хочэ хлопець купить, – разъяснил эскорт-бродяга.

Человек же в жилетке поставил свой мешок на пыльный рыночный асфальт и размычался, словно недоенная корова, размахался руками, что гарна мельница.

– Пан – немой, – с фальшивой жалостливостью проговорил бродяга, тоже сгружая со спины холщовый сидор.

Человек в жилетке вставил пальцы в уши.

– И глухой, – добавил бродяга.

– Ой, ты бедненький! – молодуха прижала ладони к красным щекам. – Ох, ты горемыка! Як же ж жинке-то твоей важко. Чы вона тэж убогонькая?

– Гы! – уже грозно икнул человек в жилетке, снял с веревки пучок шуршащей, как вощеная бумага, руты и принялся внюхиваться в него, будто девица на свидании в поднесенные розы.

– А ну, добродии, хомуты берем! – приставал к людям мордатый бендеровец с прищипленным к груди обрывком тетрадного листа, на котором от руки было выведено «Хомути. Тел. 62-85». ⁵

– Гы, гы, гы! – требовательно затряс веничком руты человек в гуцульской жилетке, и даже бляшки на ремне угрожающе забренькали.

– Сердится, – растолковал бродяжка сопровождения. – Чуешь, зозуля, напиши ему на аркуши, сколько хочешь за пучок. А то зовсим сказаться.

– Дэ ж я йому бумажку визьму? – дивчина нагнулась под прилавок, чем-то там загромыхала. Причитая, скрылась под прилавком с головой.

Наверху покупатель-немтырь, выудив из кармана гуцульской жилетки огрызок карандаша, нетерпеливо постукивал им по накрытому полиэтиленом ржавому железу торгового стола.

А где-то, по привокзальной площади, в растерзанных чувствах носился гуцул, проспавший жилетку, пояс и половину гривен из кошелька в поезде дальнего следования «Львів – Борислав – Хруст – Ужгород», в который он подсел на станции Когуты. Гуцул ехал в закарпатский Ужгород на Всегуцульскую Раду, куда теперь придется явиться, считай, раздетым. Гуцул грешил на цыган, потому что цыгане всегда засматривались на его жилетку и широкий пояс с бляшечками, как колорадские жуки на картошку. А еще не случалось такого поезда с самого изобретения паровоза, в котором не ехали бы цыгане...

– Тилькы цифирку намалуй, сколько за пучок грошей бажаешь. Усяких умных слов малюваты нэ трэба, – учил бродяжка из эскорта глухонемого. – Неграмотный вин. Повезло тобі, дивчина. Трошки скинешь ему с пучка, он у тебя всю траву визьмэ.

– Так вжэ и всю?! – ахнула молодуха, не веря нежданно заклевавшему счастью.

– Гы, – произнес жилеточник, чтобы напомнить болтунам о себе.

Переводчик с немногого языка скабрёзно подмигнул торговке и игриво осклабился, показав, сколько зубов не хватает во рту:

– Якщо гроши не с кем прогулять, зозуля, только свистни, прилечу, – а далее посерьезнел, – Цэ я його до тебе прывив. Так що з тебя могорыч.

Гуцул же стоял рядом и хлопал глазами, как теленок у титьки.

– Якщо не збрехав, на горилку получишь. Пры громади обицяю, – обвела вокруг рукой молодуха. Тут, конечно, свое взяло извечное женское любопытство: – А на що убогому стилькы руты?

– Столько? – надулся от гордости бродяжка сопровождения. – Бачыла б ты, зозуля, сколько мы вже накупили! Третий рынок объезжаем. Скупаем мешками. Його фургон пид завязку напхалы.

Легковой «Москвич» с обтянутым брезентом кузовом, дожидался седоков возле входа на рынок. А где-то в прогретой апрельским солнцем канаве, в сотне метров от авторассы пропускал важные события накушавшийся горилки с клофелином исконный хозяин фургона Микола Болонюк.

– Мабуть, внушили убогому, що трава его выликуе, – вслух строила догадки торговка, выводя на газетном клочке стоимость пучка червоной руты. – Якыйсь знахарь нашептал, що писля бани на травах неборака почнэ балакаты та почуе пташок, коровок, жинку свою.

– Запросто, – согласился с молодой женщиной помощник глухонемого. – Село, воно и е село. Уси сэляны трошки прыдуркувати.

– Може, цэй дурень у меня отводник для газопровода прыдбае? – полез к переводчику с мугыканья сосед молодухи, торговавший предметами, похожими на оборудование для алхимической лаборатории.

⁵ В украинском языке буква "ы" пишется – "и"

Если б кому стало интересно заглянуть в глаза гуцула, то он обнаружил бы, как те полыхнули злобой. Будто костер, в который плеснули бензин.

– Попробуй тилькы перебей в мэнэ торговлю, – молодуха оторвалась от рисования цифры, чтоб показать соседу вполне увесистый кулак. – Я твоей жинке сразу розповим, як ты тут меня каждый день обхаживаешь, какие соблазны обицяешь.

– Яки? – вырвалось у помощника глухонемого.

«Рушныки, розшыти рушныки з лэлэками!», «Картопля нэ билоруська, витчизняна, незалэжна!», "Гэй, пановэ, що просышь за свое порося? Скильки? А щоб тэбэ гэгнуло об Говерлу!⁶ Да я за таки карбованци трех поросят куплю!" – надрывался рынок. А где-то в этом же городе клофелинщица Ганка, пересчитывала гроши, вырученные от продажи ампулы клофелина, любовалась красивенькими бумажками под названием «хевро» и прикидывала в уме, сколько это выйдет в пересчете на гривны.

Женская цифра не устроила немого, и он, страстно гыгыкая, накарябал свою вдвое меньше. Началась базарная рутина, без которой не обходится купля-продажа не только на жарком Востоке, но и на Западной Украине. Правда, у первых это многовековая традиция, неприлично на Востоке не поторговаться, неуважение окажешь. У вторых же человек, который сорит грошами, то есть выкладывает сколько попросят, не может не вызвать законных подозрений. Пепел далеко не все понимал из разговоров на украинской мове. Но нехорошие слова в свой «глухонемой» адрес почему-то распознавал без труда. Пепел еле сдерживался, выкидуха жгла кожу сквозь подкладку брюк.

Но никак иначе у Пепла не получилось бы исполнить задуманное, кроме как играя под глухонемого. Безопасней, наверное, пройти по палестинским землям, распевая песни на иврите, чем на Западной Украине заговорить на мове москалей.

...А в кармане брюк Пепла лежал большой, «беременный», коробок из-под хозяйственных спичек, плотно набитый предусмотрительно приобретенной во Львове анашой...

* * *

Словацко-украинская граница. 16. 34 по часам начальника дежурной смены украинского пропускного пункта капитана Леонида Крыщука.

«Запорожские» усы – единственное, чем замаскировал себя Пепел. Хотя шанс, что ориентировки по его внешности Лопес успел рассовать по границам, был более чем велик. Но вряд ли погранцам придет в голову сличать с фотками человека, который не просто сам явился пред их светлы очи, а к тому же навязывается на общение, да еще так навязывается, что гонишь – не уходит. Охотничий инстинкт включается, когда жертва убегает, прячется, боится, или, по крайней мере, старается вести себя предельно неброским образом.

Ну, еще разве Пепел замаскировал себя клеенчатой сумкой, которая разумно врисовывалась в образ. А образ был такой: дешевый челнок, который придумал чуток заработать на продаже игральных карт скупающим погранцам.

Пепел предполагал, что на конкретно этом КПП может быть непопулярна игра в карты. Но чего уж не могло не быть, так это служебной тоски. А красиво сыграть на тоске песню вроде опытного акына со своей одной струной, – это, граждане начальники, что называется, дело техники.

Капитан пограничных войск Украины Крыщук услышал смех в родной курилке под «грибком» с облупившимися и загнутыми на краях железными листами. Подойдя, начальник украинской дежурной смены обнаружил помимо подчиненных хлопчика средних лет, который развлекал перекурщиков карточными фокусами: перекидывал колоду из ладони в

⁶ Самая высокая гора в Карпатах. 2061 м. н. У. М.

ладонь, угадывал карту, вытаскивал карты из карманов зрителей и собственного уха. В ногах хлопчика стояла расстегнутая полосатая сумка, бока которой распирали бумажные упаковки по двенадцать карточных колод в каждой.

Когда ребята, почувствовав себя с приходом начальства неуютно, побрели на рабочие места, Крышук как-то незаметно разговорился с фокусником, потом опять же незаметно для себя согласился разок перекинуться в буру на интерес, потом сыграли кон по гривне, а потом капитана Крышука будто шмель ужалил...

Нет, дежурного не выгнал из курилки срочный вызов с КПП. Пепел спецом выбрал такой отдаленный от большегрузных трасс малопроезжистый пункт и заявился под вечер, чтобы ничто не отвлекало людей от игры.

– В очко граешь? – спросил капитан после третьего кона, резко прихлопнув колоду рукой, а в глазах его заплясали не установленного происхождения черти.

– Ну, играю, – не стал корчить целку Пепел.

– Зможешь зробыты файного игрока? Давай щиро, я же бачу, що ты не прост, – неясного Пеплу происхождения огонь разгорался в прищуренных глазах капитана.

– Это как получится, – осторожно ответил украинцу залетный москаль. – Как карта ляжет.

– Трэба, щоб легла, – приказал пограничник. – Слухай внимательно, хлопец. Я бачу, у тебя в сумке батальоны колод. Гарантирую, що товар у тебя здесь раскупят по найкращий цене, поедешь домой с пустой клеенкой. Но только в том случае, якщо зумиєшь перемогты. Проиграєшь – краще тобі ніколи здесь больше не показываться. Ну як, згодєн?

– Точно товар раскупят? – Пепел изобразил непреодолимую барыжью жадность.

– Слово украинского офицера.

– Тогда можно попробовать. Эх, пропадай моя телега! А кого обыгрывать-то?

Капитан заговорщески подмигнул:

– Через годину сходим з тобою в гости к сусидам. Пока потренируєшь.

"Ах вот оно как! – догадался Пепел. – Словацко-украинское соперничество. У вас от скуки тут развелось типа вечное соревнование с сопредельной сменой. В очко дуется. Конечно, это несколько осложняет план, но поди – откажись.

* * *

Словацко-украинская граница. 17. 56 по часам начальника дежурной смены словацкого пропускного пункта майора Ежи Хандуша.

Ворона третий раз за день пересекала украинско-словацкую границу. Даже, может быть, и более того. Третий раз она попадалась на глаза майору Хандушу. Он ее хорошо разглядел благодаря природной дальновзоркости и запомнил благодаря белому пятну на изнанке левого крыла. Ворону хотелось пристрелить из табельного пистолета. Но Хандуш боялся быть неправильно понятым коллегами и начальством. Если уж и тратить патроны, подумал майор, то выпускать их стоит в скопление автомобилей у контрольно-пропускного пункта. За пекло в ботинках и за весь жаркий день, в который приходится работать, а не купаться и загорать на озере Радуница. За куцее жалование, за всего лишь майорские погоны, за покалывающую печень, за жену, которая предположительно изменяет во время несения мужем пограничной службы. За то, что сборная Словакии не вышла в финал чемпионата мира по футболу, а Словения вышла.

Начальника дежурной смены Хандуша, пьющего «фанту» под могучей вековой лиственницей, что растет на холме с видом на пропускной пункт, всецело захватила расстрельная фантазия. Место пистолета в воображении занял автомат. Из него удобнее всего поливать автомобильный затор. Ах какие замечательные искры высекали бы пули из автомобильного

железа! Надоевшие морды шоферов и туристов перекосило бы от ужаса. Эти сморчки прятались бы за колесами, сигали бы в сточные канавы. Из дырочек в бензобаках тек бы бензин, смешиваясь с водкой, капающей на асфальт из простреленных фургонов, пары поднимались бы над асфальтом... А потом как рвануло бы!

Тем временем над головой Хандуша безбоязненно пересекали украинско-словацкую границу перистые облака. Где-то глубоко внизу под майором Хандушем кипела магма, огненными реками путешествуя по странам и континентам без виз и осмотров. Тем же занимались грунтовые воды и переносимые ими минеральные вещества. Чуть выше подземными ходами пробирались через границы и демаркационные линии неразумные кроты. Солнечные лучи, радиоволны, бактерии с вирусами, фотоны, электроны, не говоря уж про неуловимые нейтрино, – короче, все сущее кроме людей, машин и грузов не считалось с пограничным постом на словацко-украинской границе.

А пана майора настолько увлекла расстрельная дума, что он не сразу заметил на фоне вечеряющего неба эту парочку. Но заметил, как замечал в конце концов все на свете, сколь бы тщательно от него это не прятали. Парочка целеустремленно топала к его начальственному наблюдательному посту, оборудованному под лиственницей и состоящему из деревянного стола и лавок. И одного из двух гостей начальник дежурной смены знал распрекрасно. Потому что это тоже был начальник дежурной смены. Украинской смены. Вот уж третий год они с капитаном Крыщуком строго параллельно заступали на дежурство, отделенные друг от друга всего какой-то сотней метров. И если не каждый раз, то раз в неделю точно, в моменты пограничного затишья навещались друг другу в гости. А незнакомец выглядел как обыкновенный мелкий деляга из сопредельного государства, подобных которому мотается каждый день туда-сюда что саранчи. И усы, свисающие до подбородка, тоже не выделяли его из намозолившей глаза публики, делающей свой маленький приграничный бизнес. Скорее уж наоборот... Капитан и незнакомец шли, мило между собой беседуя. Усатый нес в руках полосатую сумку.

А еще через четверть часика из холодильника, подключенного к электропитанию в душевой и уныло-казенной будке пропускного пункта, рядовой Иржи Бондра по приказу начальника доставил холодное чешское пиво. Выставляя на стол бутылки, Иржи Бондра прислушивался к разговору своего начальника с украинским начальником и усатым штатским, но ничего так и не понял. Понял разве только, что беседовали по-русски.

Еще бы майору Хандушу было не знать по-русски, когда он прилежно учил его во времена тогда единой Чехословацкой Социалистической Республики и в школе, и в училище. Еще бы ему забыть русский, когда он ездил на полугодовую стажировку в Харьковское пограничное училище, а по ее завершению нес службу на совестко-чехословацкой границе, где другими языками не пользовались. Еще бы ему сейчас разучиться говорить по-русски, когда украинского он не знает и учить его на старости лет не собирается.

Полетели в пепельницу первые пивные пробки, на стол, извлеченная из полосатой сумки Пепла, легла нераспечатанная, пахнущая типографией колода. Пальцы майора Хандуша с хрустом взлохматили упругие картонные прямоугольники, ловко и привычно приступили к тасованию, пальцы Пепла сдвинули верх колоды, после чего доски стола приняли на свои деревянные плечи первую карту.

Майор Хандуш ничего не имел против, как выразился «кэп Крыщук», «показать, какой он есть на самом деле мастер». Почему бы и не показать, когда изо дня в день одно и то же. Даже одна и та же ворона пересекает украинско-словацкую границу каждую смену: с белым пятном на изнанке крыла.

– Сегодня важкый день, Ежи, – в один глоток влив в себя половину пивного малька, произнес Крыщук и утер губы рукавом форменной рубахи.

– У нас каждый день, как гиря на ноге, Микола, – эхом тут же отозвался Хандуш.

Этими фразами они обменивались каждую встречу. А чем еще обмениваться?

Тем временем усатый сорвал первый банк на девятнадцати против семнадцати.

– Ох, дивлюсь я, не на что тебе будет прыдбаты сливянки по дороге до хаты, – подначил Крыщук, не слишком скрывая своего удовлетворения исходом первого круга. И потянулся к следующему пиву. Капитан Крыщук не слишком жаловал карты, играл в них от скуки, ему больше нравилась роль болельщика, в которой он сегодня и оставался.

Банкирство усатого затянулось на три круга. Каждый раз словак шел на все, но челнок благополучно «отстучал» и спрятал в карман словацкие кроны. Хандуша это разозлило. Все-таки он действительно считал себя сильным игроком. И ничего из шулерских штучек, как ни следил из-под хитро прищуренных век, за гостем не заметил. А ведь глаз у Хандуша – алмаз.

– Может быть, чуть поднимем ставки? Чем больше денег на кону, тем сильнее становятся игроки, – предложил Хандушу его усатый партнер.

«Этот шпак возомнил, что нашел болвана, и пускает слюни, размечтавшись с легкостью опустошить мой кошелек на пару тысяч крон», с раздражением подумал Хандуш.

– Не трэба, Ежи, а то проиграешься в пух и прах, – как бы посоветовал Крыщук и не удержал губы от сползания в ехидную улыбку.

Тогда майор Хандуш не просто поднял размер начального банка, он поднял его вдесятеро. Словаку очень хотелось увидеть, как в глазах усатого мелькнет испуг. Испуг мелькнул, доставив начальнику словацкой смены мимолетное удовольствие, но, поразмыслив, соперник ставку принял. И снова с первого раза сорвал банк – туз червей и десятка треф – очко.

Впрочем, и Хандуш с первого раза вернул сдачу колоды на четырнадцать против перебора, он «ломал» карту, а следующий банк с грехом пополам отстоял, и даже нарастил вдвое. А ведь майор уж было хотел бросить карты на стол, заявив, что сегодня не его день, и что лучше они просто попьют пиво, а доиграют в следующий раз.

Крыщук в сердцах расплющил комара на лбу. На фоне лиственницы нарисовался подчиненный.

– Что тебе?

– У нас контрабандный провоз польских сигарет, – доложил рядовой Иржи Бондра.

– Без меня не разобраться?! – рявкнул начальник. – В первый раз увидели контрабанду?! Инструкций не знаете?!

Иржи Бондра внеустанно пожал плечами, почти по уставу отозвался: «Ясно, пан майор!» и оставил начальника в покое.

Через час продувшийся под чистую усатый поставил сумку с карточным имуществом на отыгрыш всех денег. Проиграл – фортуна повернулась к украинской стороне раком.

– Закончим? – устало утирая пот, поинтересовался Хандуш.

– На, – Крыщук бросил на стол ворох гривн, все, что было у него с собой. – Играй.

– Я хочу сыграть сразу на все.

– Против сотни гривн?

– Нет. У меня есть кое-что еще.

А ведь уже стемнело. Пришлось по рации отдавать рядовому Бондре приказ воткнуть на пропускном пункте вилку в розетку. По исполнению приказа над столом зажглась прикрученная к нижнему суку лиственницы лампа.

Пепел отыграл сумку. Выиграл все кроны, портсигар Хандуша, карманный приемник Хандуша и снова все проиграл.

Сразу назвать, что у него еще есть за душой, Пепел не рискнул, прежде следовало завести партнера до белого каления. Пришлось театра ради потянуть время, поиграть душевные муки. Пришлось даже погрызть ногти и потереть кончики приклеенных усов.

– Играю на все, что проиграл, плюс сверху тысячу долларов, – наконец набрался решимости усатый.

Хандуш и Крыщук решили, что ослышались. Потом Крыщук успел подумать, что его протеже расстегнет рубаху, снимет с груди золотой фамильный медальон в сто граммов и положит на стол. Но медальон на столе не появился. Глаза Пепла стали холодными и колючими:

– Я назову место в лесу, где стоит машина с анашой, приготовленная к ночной переправе.

Вот это была новость! Оба погранца машинально потянулись к табельным пистолетам. Посмотрели в глаза друг другу и передумали расстегивать кобуры. Не новобранцы, а спешка нужна только при ловле блох и поносе. Первым опомнился словак:

– Почему мы должны тебе верить на слово? – но его интонация не оставляла сомнений, пан купился с потрохами. Он боялся еще спросить, по какую сторону границы спрятана машина, потому что имел веские основания предполагать (гость явился с востока), что ответ его не обрадует.

Пепел выбрал загадочно промолчать, тогда погранцы сами придумают подходящий мотив. И, кроме того, не рассказывать же в нечаянно сложившемся карточном кругу, что первоначально Сергей планировал примелькаться на украинской заставе, потом подогнать машину поближе, и пока все будут вокруг нее толпиться и ловить раскрытыми от удивления ртами мух, под шумок проскользнуть мимо КПП. А теперь импровизировал на могиле прежнего плана.

– Хорошо... Согласен... А, все равно пропадать! Я называю место сейчас, – голос завибрировал на истерической ноте, Сергей стал косить под напрочь азартного беднягу, – Вы находите машину, проверяете, перегоняете на нейтральную полосу. Кто сорвет последний банк, та сторона и получает право отрапортовать по начальству.

– Машина ставится на нейтральной полосе ровно посередине, – тяжело прохрипел майор Хандуш, глядя в глаза не Пеплу, а украинскому коллеге.

– Погодь, мил человек, ну-ка выкладывай, що ты про цю машину, и звидкы знаешь? – приподнялся в стойку гончего пса Крыщук.

– Я сейчас не на территории Украины! – запальчиво ответил Сергей и закусил фальшивый ус. Играть сумасбродного челнока, так уж до конца. И радостно отметил, что Хандуш уставился на украинца без малейших остатков дружелюбия во взгляде. Подозрения пана майора к коллеге в попытке присвоить себе все лавры за задержание груза, кажется, стали оправдываться.

– Машина ставится на нейтральной полосе ровно посередине, – выделяя каждое слово, повторил майор Хандуш. Дружба дружбой, а звездочки на погоны получать врозь. Поэтому пан майор ни на йоту не сомневался, что при любом исходе карточной баталии Крыщук такой подарок судьбы из загребущих лап не выпустит. Но Крыщук был по эту сторону пограничных столбов и перешел границу незаконно, и челнок был здесь. А это – весомые козыри Хандуша против хохла. Но машина-то спрятана где-то там, за контрольной полосой. Как в задаче про волка, козу и капусту, которых следует переправить без потерь через реку. И кажется, сам украинский капитан наконец догадался, что находится не в том положении, когда может командовать.

– Будь ласка, – будто бы покорно кивнул Крыщук, будто бы руководствовался лишь логикой, а не собственными интересами, – Машина ставится на нейтральной полосе ровно посередине, – от волнения он вдруг заговорил по-русски почти правильно, – Я проведу тебя обратно через границу, а потом вернусь сюда, и мы с паном майором будем тебя дожидаться.

Когда капитан обращался к Сергею, его голос так пропитался медом, что Пепел не удержался и раскатисто захохотал. Даже усы чуть не отвалились.

– Так не пойдет, пан капитан. Там вы меня мигом сквозь мясорубку пропустите. Придумайте что-нибудь получше, потому что машина будет стоять в лесу без шофера только до

трех ночи. А потом либо будет переправлена через границу, либо отправлена назад, и вы ее уже никогда не увидите. Решайтесь, пан капитан, пятьдесят на пятьдесят, что находка останется за вами, я – сильный игрок.

– Но ведь тебя одного тут же задержат! – зашел украинец с последнего козыря. Он все еще надеялся сыграть в беспроектную лотерею.

– Ты можешь своим хлопцам приказать не трогать этого москаля. По рации. А потом рацию ему отдашь, чтоб не подмывала идея запроситься в туалет и там сыграть своим тревогу. Он вернется, и рацию вернет.

– А если не вернется?

– Это игра, Мыкола, – примирительно фыркнул пан словак, – И она гораздо интересней, чем игра в очко. Да и зачем ему не возвращаться? Он сам сказал про «три часа ночи». Это его лимит. Не вернется, поднимем обе заставы по тревоге.

– А если я сейчас по тревоге подниму свою заставу? – стал торговаться по-крупному хохол.

– А если я соврал, и не вернусь? – разозлился Сергей.

– Ни много – ни мало, – отмахнулся Хандуш от аргументов Пепла, в которые не верил, и тоже пошел ва-банк, – Ты нарушил границу, без визы проник на нашу территорию. Думаешь, я тебя отпущу подобру-поздорову, если ты выберешь нечестную игру.

– Гаразд, – сдался хохол, тяжело осел на лавку и сквозь зубы отдал приказ на свою заставу ничему не удивляться, не препятствовать движению усатого картежника в обе стороны, в пешем порядке и за рулем, но приготовить Альму.

После этого рация переключалась в карман Сергея, а пан Хандуш кликнул Бонду, чтоб тот принес еще пива. И когда об стол звякнули свежие бутылки, Бонда, как бы между прочим, был оставлен рядом, чтоб украинский капитан чего не натворил от избытка хитрости.

Оказывается, Альмой, про которую упоминал Крышук по рации, звали овчарку. Сергей смотался за в перелеске припрятанным «Москвичом», подогнал машину, тормознул между двумя шлагбаумами, хлопнул дверцей, и собака тут же зашлась хриплым лаем. Она явно учуяла струящийся из-под брезента аромат анаши, на который ее натаскали в Школе служебного собаководства Закарпатского пограничного округа.

На украинской пограничной будке можно было разглядеть стихотворный плакат:

"Вот ползет к границе враг.

Граница!

Он залез в большой овраг.

Бойтся!"⁷

На словацкой наглядная агитация отсутствовала – вот и все различия. Сдерживающий Альму на поводке хохол срочной службы хищно облизал Сергея взглядом, но вспомнил приказ. А с другой стороны рвала поводок уже вторая овчарка, удерживаемая словаком. Шоу удалось: Сергей откинул брезент, демонстрируя солдатам обеих стран закрома, полные сушеной травы, и у служивых синхронно отпали челюсти. Сергей же, так и не опустив брезент, потопал к игровому столу, вернул Крышuku рацию и дал выслушать захлебывающийся доклад собаководства. И, как ни в чем не бывало, вытянул из сумки новую колоду.

– Нет, колоду буду выбирать я! – ударил кулаком по столу Хандуш, а потом в запале смахнул к известной матери на землю со стола полупустые бутылки с пивом – широкий жест. Одна разбилась, майору было на это глубоко наплевать. В алчных глазах пана майора золотились подполковничьи звезды.

Бонда испарился, он не желал оказаться свидетелем чего бы-то ни стало. Крышук только крикнул, не собираясь сглаживать гнетущую паузу. Пепел равнодушно пожал пле-

⁷ Стихи И. Гречина, из сборника «Непревзойденное».

чами и придвинул майору сумку. Пан майор достал упаковку с самого дна и вскрыл. Сергей протянул руку за колодой.

– Нет, сдавать буду я! – безапелляционно выставил следующее условие пан майор.

Пепел равнодушно пожал плечами, но встрял Крыщук:

– Вытяните «на старшую карту», – голос капитана от волнения стал до смешного тонок. Только никто не засмеялся.

Сергею досталась семерка треф, Хандушу – бубновая десятка. Хандуш начал тасовать, и Сергей с облегчением заметил, что пан майор мизинцем выстраивает вольт⁸, поскольку эту партию Пепел должен был ПРОИГРАТЬ обязательно.

Выстроив карты, Хандуш незаметно (для Крыщука) придержал мизинец внутри колоды и протянул Пеплу сдвигать. Его расчет строился на том, что Пепел сдвинет как раз отделенную мизинцем часть, и далее при раздаче пойдет запланированная комбинация. Но Крыщук не дремал:

– Карты на стол, – срывающимся голосом скомандовал украинец.

– Не понял!? – начал багроветь пан Хандуш.

– Положи колоду на стол, пусть сдвинет не из рук, – потребовал украинский капитан.

Хандуш обиженно надулся, дескать, не веришь старому приятелю, но подчинился. Пепел постарался сдвинуть именно там, где прежде находился майорский палец, но карты были закуплены из самых дешевых, а Сергей больше привык работать на пластиковых, и практики не хватило. Он ошибся всего на пару карт, но это делало результат игры непредсказуемым.

Шумно сопящий Хандуш дал Сергею первую карту – десятка, и открыл свою – восьмерка. Было видно, как по лбу майора скатываются виноградные капли пота. Сергей чувствовал себя не лучше, просто умел держаться в руках. Сергею требовалось обязательно проиграть этот кон, иначе пришлось бы придумывать совершенно другой способ перехода границы и в другом месте. Чем дальше от подчиненной пану Хандушу заставы, тем лучше.

Следующей Сергею пришла дама – замаячила «прокладка», теперь бы тузика или скромненькую девятку, и перебор готов... но пришел нагло щурящийся червовый валет. Пятнадцать – с такой картой выигрывают только если у противника перебор, и останавливаются на такой карте, боясь своего перебора, который чаще всего и выпадает. Пепел поколебался, решил подстраховаться и попросил еще карту, но ему пришла не вымаливаемая у фортуны и так нужная для перебора фоска, а еще одна дама. Дама пик, черт бы ее побрал. Восемнадцать – достаточно сильная карта, чтобы рассчитывать проиграть на халяву. Пепел потребовал следующую... Валет!

– Себе, – изменившимся голосом сказал Сергей. С двадцатью очками на руках он чувствовал себя очень нерадостно.

К восьмерке пан майор вытащил короля. Утер пот, и Пепел понадеялся, что этот жест для отвода глаз, а на самом деле майор полез за спрятанной под фуражкой девяткой. Увы, майор просто утер пот. И зажмурившись, открыл следующую карту. Семерка.

– Девятнадцать. Стал, – не скрывая уверенности в победе, прохрипел пан майор.

И тогда Сергей использовал последний шанс. Спрятав одного валета под даму, он веером разложил на столе карты в надежде, что Крыщук не заметит нехватки одной.

– Восемнадцать! – изобразил Сергей крайнее отчаяние, – Я продул.

Действительно Крыщук не считал выдаваемые Пеплу карты, и не засек, что вместо пяти открыто четыре. Откуда же украинскому капитану знать, что усатый челнок играет против него? Разочарование хохла было вселенских масштабов. С каменным лицом капитан Крыщук молча поднялся с лавки и, волоча негнущиеся ноги, побрел в сторону границы. А

⁸ шулерский прием.

покрасневший от счастья, как вареный рак, Хандуш уже ревел в рацию Бонде, чтоб тот волок «Москвич» с наркотой на площадку у родного поста, и чтоб заставу поднимал по тревоге. Чтоб все, как положенно!

– А я? Пан майор, мне же теперь на ту сторону нельзя, – хорошо разыграл панику Сергей, – Меня же теперь хозяева «Москвича»... Да и капитан Крыщук, он же меня сгноит, если попадусь.

Пану майору проигравшийся в пух и прах челнок был не нужен, не нужен был и как свидетель некоторых щекотливых подробностей триумфа, пусть победителей не судят. Пан майор был благодушен и по-своему щедр:

– Надо бы тебя взять за шкирятник, да допросить, откуда владеешь информацией. Спросить, а где хозяева прячутся... Ладно. И так хорошо. Не обижу. Есть у кого пересидеть пару неделек в Словакии?

– Есть, – тяжело вздохнул Сергей.

– Ну, так и мотай туда. И чтоб я тебя здесь через пять минут не видел. И сумку с картами с собой забирай, – накинул от щедрот безнадежно старающийся убрать с пунцовой рожи глупую счастливую улыбку пан майор, – Видишь, до чего они доводят, я через эти карты, похоже, навсегда с приятелем капитаном рассорился. Да и не положена эта зараза на посту!

Пепел без лишних благодарностей подхватил сумку и нырнул во тьму. Отойдя шагов сто, сорвал усы. Через час он выйдет на трассу и поймает попутку. О том, что захватили машину с сушеной червоной руттой, только чуть-чуть приправленной коробком анаши, словацкие погранцы допрут еле-еле к утру. Сергей будет уже далеко, да и вряд ли станет пан Хандуш объявлять тревогу, когда поймет, что остался в дураках. Совершенно лишнее для панов Хандуша и Крыщука, чтобы история разошлась дальше заставы. Не судят только победителей, а паны офицеры обделались по самое некуда.

Глава четвертая. 20 апреля 2002 года. Похождения бравого Пепла.

*Мы все добудем, поймем и откроем —
Холодный полюс и свод голубой.
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.*

*Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет.
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!*

«Марш веселых ребят»

Стихи В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского

13. 43 по курантам на Староместской ратуше.

Пепел добирался до Праги поездами. Граница между Чехией и Словакией, оправдав предположения Пепла, оказалась подобием границы российско-белорусской: границы условной, доброй, пассажирами поездов неощущаемой.

В поезде «Оломоуц-Пардубице» Сергей прошел по вагонам, тщательно выбирая место. Выбрал в вагоне для некурящих напротив холеной белокурой пани возрастом между тридцатью и сорока. Будь ты хоть пани, синьора, фрау или миссис феминистка – если одинока и тоскуешь по мужику, наметанный глаз раскусит это в один момент. Пани напротив оказалась более чем одинокой, пани Бондрчкова оказалась вдовой.

Чехия не Россия, здесь не нужны поезда со спальными полками. Пассажиры ездят сидя. А Пеплу требовалось к следующему дню выглядеть огурцом. Поэтому понадобилась пани и именно не моложе тридцати. То есть успевшая застать преподавание русского языка в школе. Языковых барьеров на пути Сергея еще наберется немеряно, стоит себе облегчить хотя бы начало.

Пепел вряд ли смог бы воспроизвести второй раз историю собственного необузданного сочинения, преподнесенную пани Бондрчковой. Какая-то авантюрная смесь, где фигурировал отец-офицер, усмирявший в шестьдесят восьмом «бархатную революцию», роман отца с танцовщицей из пражского мюзик-холла, приказ отступить домой, через десять лет весточка в гарнизон без обратного адреса, сообщавшая, что у Сергея в Праге есть брат, признание в этом отца на смертном одре, а до того странная любовь отца ко всему чешскому, няня из Моравии, подозрения матери, наконец, нынешняя поездка Пепла в поисках брата. Пепел договаривал свою историю уже в привокзальном купе, где на столе расточал ароматы купленный на площади букет пионов. Кроме того о пани Бондрчковой у Пепла в памяти навсегда или надолго останется: блеск свечей, отраженный в бутылке кминки⁹, скрип накрахмаленных простыней, кнедлики на завтрак и ее прощальная фраза: «Если тебе нужен совет – иди к пану советчику, если тебе нужна любовь – зажги ее сам»...

Злата Прага Сереге нравилась. Здесь и зеленые холмы с каштановым полноводьем, как в Киеве; и речка не уже Невы; и средневековые улочки-прогулочки, как в Старом Таллинне; и сталагмитовые церкви (так их называл застреленный при побеге Айвар Скуиньш), как в Риге...

⁹ тминная водка.

На груди Пепла для пущей маскировки под беспечного туриста болтался «поллароид», позаимствованный у японца, который неосторожно попросил «пана чеха» сфотографировать группу японских товарищей на фоне ратуши. Затеряться же на забытых гуляющими гостями узких улочках так же просто, как на Апраксином рынке в субботний день.

Карту Праги, разноцветно опутанную маршрутами всякого разного транспорта, Пепел выменял у пана торговца журналами на углу улиц Вацлавске намести и Краковска за три моментальные фотографии пана торговца на рабочем месте, с чем великолепно справился японский «поллароид». Расчувствованный тем, как он хорошо получился, пан торговец еще и прицепил «пану поляку», достав его со дна большой коробки, значок: «Jsem velmi unaven»¹⁰.

«Пан поляк» Пепел заглянул в адресное приложение и наткнулся на кабачок «У зелене жабы»¹¹. Название манило. Как десантник в тылу врага, определившись по карте, Пепел поправил значок и пошагал нужным курсом.

«Зеленая жаба» тоже сумела понравиться русскому страннику. Потому как очень кстати нырнуть после жарких улиц в прохладный погребок. Полукруглые каменные своды, общая лабиринтистость заведения, деревянные кружки с крышками, – все это будило щемящие мушкетерские фантазии из далекого советского малолетства. Да и чешское пиво, подтвердив рекламные легенды, оказалось взаправду вкусным.

Пепла мало заботило, что он выгребает из карманов последние деньги. Один пень, на все кругосветное мытарство еврофантиков не хватит. Уминая жареную свинину с капустой и кнедликами, запивая пильзенским пивом, Пепел рассматривал карту чешской столицы. Никто не подскажет, сколько людей вовлек на сегодняшний день в охоту за Пеплом синьор Лопес, и разосланы ли по кабакам инструкции обращать внимание на странных посетителей славянского обличья. Поэтому Пепел сам аккуратно водил глазами по сторонам, не пробуя ли его персону чей-то ненужный интерес. Нет, пока Пепел был никому неинтересен. Сидит турист туристом, с идиотским значком на лацкане, изучает подходы к неосмотренным достопримечательностям.

Вот турист пялится на район Нове Место, обводит взглядом улицу На Боишти. Турист изучает, как пройти в знаменитую пивную «У калиха»¹². Быть в Праге и не побывать «У калиха» – это все равно, что увидеть Париж и не умереть. Бравый солдат Швейк – национальная чешская достопримечательность, а «У калиха» – любимая пивная непревзойденного Швейка. А то, что турист вдруг опустил взгляд в низ карты и не по-туристически пристально рассматривает пражские промышленные районы – так это, не иначе, как под воздействием пильзенского пива.

Вдруг отключилась радиотрансляция с чешской народной музыкой, в тишине на электрогитаре опробовали три аккорда и внятно выговорили по родному: «Зашибись». Русскую речь на улицах Праги он сегодня уже слышал не раз. И, разумеется, не бросался на зов родной речи с криком «Земели!». Братание с земляками было чревато.

Эстраду скрывал от Пепла изгиб стены. Соотечественники тоже, видать, клюнули на название, чем-то близкое русской душе. Посидели «У зелены жабы», хлопнули, заскучали, придумали для себя развлекуху, отслонявили кроны и нынче мучали гитару аккордами, а микрофон – пьяными голосами:

*Где-то возле Ордынки или возле Таганки,
Или где-то еще, заблудившись весной,*

¹⁰ Я очень усталый (чеш.)

¹¹ «У зелене жабы» винный погребок, адрес: Прага 1, Ураднице, 8.

¹² «У калиха» (У чаши), адрес: Прага 2 – Нове Место, На Боишти, 12.

*На неверных ногах после выпитой банки
Витька Фомкин один добирался домой...*

Пепел не стал в рамках маскировки изображать, скажем, придурковатого немецкого туриста, хлопать в ладоши и восклицать: «Дас ист фантастиш!». Совсем наоборот. Интуиция, не объясняя причин, подсказала Пеплу – надо сматываться. Пепел подозвал официанта. А за изгибом стены надрывалось под гитару трехголосье:

*За спиною три тени появились так быстро,
Что Витек не сумел устоять на ногах.
Их под утро поймали, они были таксисты.
Монтировку нашли рядом с ним в трех шагах...*

Интуиция не подвела Сергея и на этот раз. То ли там, за изгибом стены, параллельно шло приставание к чешским женщинам, то ли национальное самосознание чехов ущемлял сам факт русской музыки в «Зеленой жабе», но – явственно назревал мордобой. Возмущенные возгласы на чешском жестко натыкались на ответные сочные реплики на родном. Не приходилось волноваться – туристическая братва (предположительно из Ростова или из Кемерово) спуска местным не даст и песню допоет.

Пепел расплатился, сложил карту, упрятал ее во внутренний карман пиджака, поднялся, так и не доев жареную свинину с капустой и кнедликами. Его совсем не устраивали скандалы, полиция, проверка документов и все тому подобное, чем заканчиваются похожие гуляния. А мордобой мог начаться в любую минуту.

Пепел уже приближался к входной двери, когда в спину толкнул очередной куплет, исполненный с особым пророческим надрывом:

*Витька Фомкин лежал удивленный и грустный.
И холодный асфальт он собою накрыл.
Он уже не подарит своей ласковой Люське
Тот цветастый платок, что с аванса купил.*

Закрывая «зеленожабскую» дверь, Пепел услышал, как истошно взвизгнув, умолкла гитара, скорее всего, обрушенная на чью-то голову. Но Сергея уже подхватил вольный апрельский воздух чешской столицы.

«Хорошо иметь дело со славянами, пусть и с западными, – подумалось Пеплу, оглядывающемуся с крыльца „У зелены жабы“. – Завод хоть и пишется ненашими буквами завод, но все сразу понятно. Того и требуется». А требовалось Пеплу садиться на автобус и следовать по маршруту с конечной остановкой «Нусле, Клобоучница». То есть в один из промышленных районов Праги...

* * *

19. 49 по наручным часам фирмы «Лоренц» Отто фон Лахузена.

Вызывая досаду, вокруг сновали расово неполноценные чехи. Даже в пивной «У калиха» их было больше, чем могли вынести немецкие глаза. Не говоря про Прагу в целом... Лахузен терпел. Все сделано. Район оцеплен по методу фон Бентивеньи¹³: наибольшее коли-

¹³ Франц Эккард фон Бентивеньи – генерал-лейтенант, руководитель отдела «Абвер-3» (контрразведка абвера) с 1938 по 1944.

чество агентов сосредоточено в точке появления объекта, улицы, ведущие к объекту, находятся под наблюдением, несколько машин с работающими движками рассредоточены по радиусу квартала.

Хорошо также было бы расставить людей во дворах и подъездах прилегающих домов, но... Но, увы, возможности «Нового абвера» значительно уступают возможностям старого. Людей в обрез. Вдобавок под началом Лахузена из Берлина прибыло всего три человека: Дитмар, Отмар, Андреас. И лишь двое из трех были немцами не только по паспорту.

В операции пришлось полностью задействовать словацкие и чешские ячейки «Нового абвера», состоявшие из этнических немцев. Как выразился шутник Андреас, задействовать обчещенных и ословакившихся немцев. Еще – пришлось дополнительно привлекать структуры, не принадлежащие «Новому абверу», но сотрудничающие с ним: националистов, антиглобалистов и радикалов из «Гринпис». Народ не надежный, поэтому Лахузен использовал их в темную и только на периферии подконтрольной зоны.

Еще потребовалось залегендировать присутствие одних и тех же десятерых людей в одном и том же месте на протяжении нескольких дней. Увы, «Новый абвер» в отличие от старого вынужден экономить. В прежние годы абвер, заплатив хозяину, взял бы пивную в аренду и не допустил бы в заведение ни одного постороннего. Теперь же пришлось прикрываться удостоверением Интерпола, и сочинять для директора «У калиха» дезу о засаде на международного преступника. Удостоверение, разумеется, Лопес обеспечил подлинное, и надумай кто проверять легенду звонками в представительство Интерпола в Праге, получил бы официальное подтверждение полномочий Лахузена.

Третий день основная группа, рассредоточившись по «У калиха», пила кофе, питалась чешской кухней и ждала. Лахузен не признался бы даже пастору на исповеди, что в глубине души надеется на тихий, бескровный вариант. Надеется, что объект охоты не проявит себя, не придет за интересующим его предметом. Пусть «Новый абвер» получит от Лопеса не самое высокое из возможного вознаграждение, зато обойдется без нервотрепки. И этими мыслями Лахузен сам себе не нравился. Неприятно осознавать, что он стареет, что его тянет к покою, тянет прочь от схваток.

Закурив сигару, Лахузен отложил дважды прочитанную газету «Лидова демокрацие» на немецком языке и обвел глазами центральный зал пивного ресторана. Его агенты, для отвода глаз занимаясь кто чем, не нарушали режим бдительного ожидания. Немцы они и есть немцы, пусть даже и вынуждены жить вне исторической родины, дисциплина для них – мать и отец.

Охвати вдруг Лахузена такое патологическое желание, он мог бы за эти дни заучить наизусть самые известные цитаты из совсем несмешного и очень тупого романа, которыми исписаны многострадальные стены ресторана. Поразительно безвкусного ресторана во всех смыслах. И в смысле дизайна тоже. Слишком светлые залы при слишком высоких потолках создают дискомфортное ощущение пустоты. Интерьер «У калиха» – полнейший разноробой стилей, какая-то гремучая помесь народной пивнухи с рестораном категории люкс. И нет ни какого спасения открытому глазу от этого безмозглого Швейка, от его тупоносой рожи и неказистой фигуры, напоминающей мешок со свинными потрохами, он везде: на дверях, на спинках стульев, на посуде, на салфетках, на меню, в меню, на солонках, на передниках обслуги, на пепельнице, на сливном бачке унитаза. По всем шкафам и полкам рассажены куклы-Швейки. Пробки-Швейки на графинах, Швейки-вилки, Швейки-втыкалки для бутербродов...

А лже-Швейка, в поисках подачек шляющегося по залам в костюме рядового австро-венгерской армии, этого толстомясого, потного, навязчивого, дешевого актеришку Лахузен убил бы лично с превеликим удовольствием. Ряженный Швейк приставал к туристам, конечно же, отрабатывая жалованье какой-то местной турфирмы. На разных языках предлагал ездить

в Карловы Вары и тому подобную глушь. В ответ на приставания там и сям рассредоточенные люди Отто натянуто улыбались.

И вообще... народ, который выбрал для своего олицетворения такого убогого героя как рядовой Швейк, вряд ли заслуживает, как говаривал старина Гейдрих, большего чем барак концлагеря.

Под влиянием мыслей о концлагере Лахузен перевел взгляд на пана Новотны, с важностью жирного павлина орудовавшего на разливе пива. Макушку кельнера Новотны прикрывала почти турецкая шапочка, а из зубов свисала трубка с длинным чубуком. Отто вспомнил досье на Новотны, переданное позавчера чешским национал-социалистом Вацлавом Шмитцером. Пан Новотны действительно не курит – это подтверждалось трехдневным наблюдением, трубка не более чем...

На этой мысли Лахузена одно из матовых окон пивного ресторана вдруг потемнело и незамедлительно вслед за этим с грохотом упавшего посудного шкафа разлетелось оконное стекло...

* * *

19. 48. По карманным часам пана Новотны (отстают на две минуты).

Пан Новотны твердо знал три вещи: Первое – пока течет Влтава – Чехия не умрет. Второе – *rozumu není nikdy nazbyt* (лишнего ума не бывает). Третье – он, пан Новотны, должен передать свое место кому-то из семьи Новотны.

Дед по материнской линии Ладислав Добиаш, в смутном 1918 году купивший грязную маленькую пивную на Боиште, в 1929 передал ее самому толковому из семьи, а именно своему двоюродному племяннику Зденеку Новотны. В пивной Зденек пережил немецкую оккупацию, а после войны поступил предельно мудро, а именно – добровольно передал пивную в собственность социалистического государства. Но еще больше мудрости Зденек проявил, выторговав себе за лояльность к новой власти место директора. В 1964 пивная закрылась на реконструкцию, в 65 открылось вновь уже как храм бравого солдата Швейка, став в несколько раз просторнее и вместительнее. К тому времени совсем старый и еще более умудренный Зденек выбрал для себе преемника, а именно сына от первой жены Франтишека Новотны. Зденек устроил Франтишека в ресторан «У калиха»... нет, не директором, а главным кельнером, правильно просчитав, что в новом варианте заведения именно место главного кельнера станет самым хлебным и почетным, хлебнее и почетнее, чем место пана директора. Так и вышло.

Кому интересен пан директор? Другое дело главный кельнер. Сфотографировать его, сфотографироваться с ним, во все рекламные проспекты и ролики вставляется именно он, а не пан директор. Простые кельнеры зависят больше от того, кто стоит прямо над ними. Не говоря про то, что через руки, поворачивающие пивной кран, проходит самый востребованный в ресторане продукт со всеми недоливками и переливами. А случись что, спросят именно с пана директора, а не с главного кельнера.

Франтишек Новотны с самого детства готовил своего сына Бедржиха к приему династической эстафеты, несколько лет тренировал в младших кельнерах. А после падения коммунистической власти со словами «Моя эпоха прошла, наступила твоя эпоха» Франтишек передал уже совсем взрослому Бедржиху полномочия, кран, шапочку и, главное, трубку Ярослава Гашека¹⁴ Может быть, из-за этой самой трубки так легко удавалось семейству Добиаш-Новотны сохранять свои позиции в ресторане, потому что каждый чех знает эту трубку, ее

¹⁴ Гашек Ярослав (1883-1993) – чешский писатель-сатирик, гордость Чехии. (Не путать с Домиником Гашеком по кличке Доминатор, вратарем команды «Детройт» и сборной Чехии по хоккею с шайбой).

знает и каждый не-чех, кто побывал в Праге, а значит побывал и «У калиха». Трубка – законная, документально подтвержденная собственность их семьи.

Дед Ладислав Добиаш любил рассказывать историю этой трубки. Гашек частенько заглядывал в пивную на Боиште. Хотя, правды ради, следует заметить, что и в другие пивные центра Праги он заглядывал не реже. Пиво Гашек уважал, особенно черное, и вел пивной образ жизни, Швейка своего сочиняя за кружкой. Трубкой Гашек расплатился, когда не смог расплатиться кронами. Трудные дни случались даже у Гашека. Вместе с трубкой великий писатель оставил расписку, где указывал сумму долга, возместив который он должен получить трубку назад. Но он так и не выкупил трубку. Или забыл про нее, или не нашел денег, а то и пожалел их. При коммунистическом режиме в разговоре с официальными лицами, например, с биографами «пана Ярослава», дед Ладислав придерживался версии, что для Гашека тогда наступили черные дни буржуазной травли. Реакционная пресса, улюлюкая, по всем фронтам начала преследовать прогрессивного писателя, и тому стало не до житейских мелочей вроде трубки.

Как бы там ни было, а ныне знаменитую трубку, которую на ночь запирают в ресторанном сейфе, пан Берджих Новотны сжимает в зубах, мусолит губами от открытия до закрытия заведения. Без нее он уже чувствует себя так же неполноценно, как ковбой без жевательной резинки.

Наполнив четыре кружки пивом «Праздрой», пан Новотны выставил их на поднос, который понесет клиентам младший кельнер Микулаш, и поставил диск Карела Готта «AllofLyrics». Ему, пану Новотны, сорок пять, он воспитывался под песни Карела Готта, он первый раз влюбился, танцуя под версию «Oh, Pretty Woman» Карела Готта, он свою первую крону заработал под песню Карела Готта «Tu 104»... И пусть морщатся за столами. Он здесь главный. А не нравится – в Праге много еще пивных заведений. А уж что интерполовцы морщатся – так это и вовсе прекрасно. Доходов от них никаких, только стулья занимают, еще и неприятностей, гляди, накличут. Новотны знал твердо – он скажет спасибо преступнику, если тот придет поскорее и избавит...

На этой мысли пана Бедржиха Новотны слева разлетелось оконное стекло, и в ресторан, как вода из прорванной трубы, хлынул густой серый поток, знакомо и пронзительно пахнущий...

* * *

19. 47. По электронным часам на приборной панели бетоновоза фирмы «Шкода».

Чтобы предельно точно классифицировать совершенное Пеплом противоправное деяние, необходимо прибегнуть к кинжальному языку протокола.

Значит так: имело место разбойное нападение на бетоновоз с применением насильственного выселения шофера из кабины и перемещения указанного лица на свалку покрышек в промышленной зоне между цементным заводом и фабрикой «Ферромет». Далее потерпевшему были нанесены внутренние повреждения путем вливания в одного ликера «Бехеровка» емкостью пол-литра, что не позволило потерпевшему вовремя опомниться, вовремя прибыть к средствам связи и просигнализировать куда следует. В виду вышесказанного угнанный бетоновоз, соблюдая правила дорожного движения, без помех проследовал по магистралям чешской столицы и был припаркован в одном метре двадцати сантиметрах от окна пивного ресторана «У калиха».

Пугая пражских голубей, бетоновоз фирмы «Шкода» с гудением вращал огромный барабан с бетоном. Толстый гофрированный шланг, подсоединенный к сточному желобу бетоновоза, вздрагивал, как жирный агонизирующий удав, вываливая в разбитое окно

шикарный светло-серый раствор. Случившиеся поблизости пражане и гости чешской столицы ничего не поняли.

Пепел быстрым шагом дошел до входа, увернулся от выскочившего из дверей швейцара с багровым лицом и выпученными глазами, и ступил на территорию знаменитого пивного ресторана.

– Policie! Policie!!! – за спиной Пепла будоражили улицу надсадные крики швейцара.

Внутри заведения разгоралась паника. Люд ломил на выход. Два расторопных официанта ловили убегающих, разбросав руки и заклиная про неоплаченные счета и честность. Убегающие не очень-то давались: выскальзывали, уворачивались, отталкивали ловцов, при этом ругаясь громко, охотно и с чувством полной своей правоты. И всем было не до наивного туриста, идущего не в ту сторону, против всеобщего течения. Пепел любил, когда всем становилось не до него. В такой обстановке работалось гораздо легче.

Каков из себя внутри кабачок «У калиха» Пепел загодя вызнал у пани Бондрчковой. Она, как всякая чешка, в Швейковском ресторане, разумеется, бывала, основные залы и повороты помнила, трубку видела и даже сумела поведать какие-то увлекательные исторические подробности про сей знаменитый предмет. А если к этому прибавить два рекламных проспекта кабачка, купленных Пеплом по сорок геллеров за штуку, то уж никак нельзя было сказать, что Сергей пер вслепую.

Раствор уже просочился в коридор, перевалившись через дамбы дверных порогов, уже растекался серыми ручьями по малахитовой зелени плитки. Визжали женщины, всполошено носились с задранными подолами, с туфлями в руках, и в конце концов висли на своих кавалерах, разрывая ноготками рукава их рубашек. Перепуганными ланями металась кельнеры. Два пана, не обращая внимания ни на чавкающий под подошвами бетон, ни на взбешенную женщину, сумкой лупившую их обоих, трясли друг друга за грудки и орали безумными головами:

– Ona moje!¹⁵ Ona moje!..

Пепел обогнул человека, брызжущего слюной в телефонную трубку: "Pan redaktor, pan Leschek, viznamna mimogadna zprava!¹⁶" и, не долго думая, перескочил через стойку пустого гардероба. Выудив из полиэтиленового пакета оранжевый комбинезон, как конопатинами, покрытый застывшими брызгами раствора, Сергей молниеносно напялил его поверх костюма и туфель, рывком застегнул «молнию» и вновь сиганул через стойку в коридор. В спецовке цвета апельсина с черным трафаретом «WRH» на спине Пепел выглядел несколько комично. Прежний владелец одежды оказался гораздо тучнее Сергея, поэтому балахон болтался, как костюм на толстяке после месяца жесткой диеты, и мерзко шуршал складками. Пепел помахивал пакетом, который теперь утяжелял лишь фотоаппарат. Какое никакое, а оружие, своего рода кистень.

Пан, что надрывался в телефонный микрофон, бросил трубку, догнал Пепла, попытался развернуть к себе лицом... Но в двух шагах от цели Пепла хватанием за руку не остановишь, отлетишь, как мячик от стенки. Пан не только отлетел, но и сбил пепельницу-треногу, стукнулся о стену и сполз по ней в бетонную лужу. Шутки закончились. Да они, в общем-то, и не начинались. Пепел переступил порог центрального зала и огляделся...

...Когда разлетелось оконное стекло, и в ресторан хлынула жижа, в которой к огромному своему изумлению пан Новотны опознал бетонный раствор, главный кельнер первым делом метнулся к кассе и запер ее на ключ. За это короткое время в заведении разразилась настоящая паника. Оно и не удивительно. Пан Новотны всякое на своем веку повидал, от драк и съемок кинофильмов до пожаров и облав, но с таким безобразием судьба свела его

¹⁵ Она моя.

¹⁶ Пан редактор, пан Лешек, сенсация.

впервые. И он не очень представлял, что же именно следует предпринимать. Да, он крикнул Микулашу «Бегом к пану директору и звони в полицию!», он крикнул Яромиру «Бегом на улицу, останови это!». Но а самому куда? Не бросать же кассу на произвол?

Когда бетон, а произошло это безумно быстро, растекся по всему залу, пан Новотны забрался на стойку, что не могло не нанести вред его репутации солидного человека. И тут проклятые интерполовцы повели себя до крайности странно. Мало того, что никто из них не покинул терпящий бедствие ресторанный зал – они лишь вскарабкались на столы – но помимо того двое бросились к стойке, запрыгнули на нее, заняв позиции с двух сторон от главного кельнера. Пан Новотны не стал выяснять, в чем тут дело, не до них. Он вытащил из-под стойки радиотелефон, запаралеленный с городским директорским номером. Новотны в такую минуту не мог бездействовать, он решил продублировать звонок в полицию и еще позвонить в службу спасения. Однако в наушнике пиликали короткие гудки.

– Da er!¹⁷ Da er! – раздались крики.

Пристроившиеся по бокам от Новотны интерполовцы отреагировали охотничьими стойками. Главный кельнер, следуя за их взглядами, повернул голову и увидел застывшую на пороге зала фигуру в дорожном комбинезоне предупреждающего, оранжевого, цвета...

...Пепел срисовал расстановку сил вмиг. И, между прочим, отметил, где конкретно торчит тот самый халдей, а по совместительству хранитель ценного предмета. И даже высмотрел этот ценный предмет, который синьор Лопес вставил в первый пункт их пари. Трубка общечешской значимости была зажата в кулаке мордатого халдея, угнездившегося на стойке рядом с кружками пива и двумя хлопцами боевого вида.

Примерно на такую встречу Пепел и предполагал нарваться. Разве что врагов набралось больше, чем рассчитывал Сергей. В этом зале семеро гвардейцев кокаинового кардинала, а зал-то в ресторации не один. Но количество противников планов не меняет, а план простой – действовать и еще раз действовать. Труба бетоновоза с чмоканьем выплевывала в окно последние плюхи бетона. Это не вода, чтобы, найдя дырочки, вытекать прочь, как в задачке про бассейн. Сколько раствора вытекло, столько его и останется в опалубке, в которую превратился ресторанный зал.

Пепел ступил в бетонный разлив, утонул по щиколотку, сделал шаг. Выдирать ноги из первоклассно замешанного раствора, который уже начинал потихоньку схватываться, оказалось чертовски нелегко. Но тебе трудно, а врагу еще труднее. Взгляды оставшихся в зале людей, как лучи прожектора на бомбардировщике, сошлись на Пепле. Хлопушками загромыхали по залу возгласы, смысл которых угадывался без перевода – «Вот он, гад, хватай!». На него показывали друг другу руками. А после команды «Форвертс!» все слаженно рванулись в его сторону.

Вымучив два шага, Пепел дотянулся до ближайшего стула, подтащил, забрался и с него перепрыгнул на стол, сбив в бетонное озеро блюдо с недоеденным рулетом и солонку. К этому же столу подбирался, с трудом выдерживая ноги из раствора, плечистый рыжеволосый дылда в клетчатом пиджаке. Он перекрывал Пеплу подступ к следующему столу. Сергей нагнулся, подхватил со стола глиняную пивную кружку, закинул в пакет к «поллароиду», выдернул за спинку из бетонных объятий стул, выбросил его навстречу рыжеволосому и тут же прыгнул. Едва подошвы коснулись деревянного сиденья, Пепел с плеча и от души, так менты лупят демонстрантов резиновыми дубинками, обрушил на рыжую голову свой полиэтиленовый кистень. Рыжий закрылся руками.

В пакете смачно хрупнул «поллароид», сухой палкой, ломаемой об колено, треснула глиняная кружка. Сам себе руками закрыв обзор, рыжий пропустил момент броска. Пепел, оттолкнувшись от стула, как от стартовой площадки, врезался в бойца всеми своими вось-

¹⁷ Вот он (нем.)

мьюдесятью тремя килограммами без остатка и сбил рыжего с ног. Серым венчиком взметнулись брызги. Но полумеры Пепла не устраивали. Накрыв пятерней перекошенное лицо с бровями цвета утренней мочи, Сергей погрузил вражью голову в бетон. Тут же отпустил и отскочил.

Пепел не оглядывался. И так ясно, что один отыгран. Все мы видели «Операцию Ы»... Рыжий вскочил с бетонной маской на лице, отплеываясь, ошалело завертел ослепшей головой. Принялся суматошно тереть глаза грязными руками, еще более усугубляя свою слепоту. Опомился, содрал с плеч уже далеко не клетчатый пиджак, завозил по физиономии подкладкой. Но поезд событий отъехал уже далеко, и догнать его рыжему было не суждено.

– *Überdecke den Ausgang!*¹⁸

Они заходили слева и справа, намереваясь взять Пепла в кольцо и отсечь от входной двери. Неожиданно для противника стало проблемой то, что к моменту появления долгожданного гостя все бойцы оказались равномерно рассредоточенными по разным углам просторного зала. Никак не получалось добраться до Пепла бегом, никак не выходило навалиться скопом. Именно на этом Пепел строил свой расчет с бетоновозом – стеснить врага в маневренности.

Пепел прикидывал, что Лопес накажет своим шестеркам воздержаться от стрельбы. Разве что, когда дело примет вовсе уж скверный для группы захвата оборот... И то разрешит метить только в ноги. Охота ж захватить человека, помучить-попытать. Еще лучше – сыграть с Пеплом в игру уже не по обоюдопринятым, а по исключительно Лопесовским правилам. Например, как в каком-то фильме, загнать Пепла в джунгли и устроить на него охоту, аки на дикого зверя. Или организовать с участием Пепла гладиаторские бои со ставкой «жизнь или смерть». Или бросить в пруд, кишаций пираньями и крокодилами. Короче, поразвлечься. Сделать из Сереги Пепла труп на месте – это для Лопеса слишком просто и скучно. Всерьез Пепла синьор не принимает. Как он может принимать всерьез всего одного человека? Тем более, когда впереди у Лопеса еще уйма времени и возможностей уничтожить Пепла, к чему спешить?..

Тем временем проблемы Пеплу готовился создать второй боец ресторанного фронта, отрезающий путь к стойке. И с ним Сергеем было никак не разминуться. Тогда Пепел двинул навстречу. Они сближались, мяся ногами раствор, который булькал уже где-то посреди голени. Скорость ходьбы противника по бетонному болоту равнялась скорости Пепла. Да и как, за счет чего тут ускоришься? Между ними оставалось шаг шагнуть... Немец уже развел руки, готовясь поймать Пепла в захват и продержат в нем до подхода своих...

И тут Пепел трусливо уклонился от борьбы. Просто развернулся и пошел прочь от противника. Получалось как бы вдоль стойки, но чуть забирая в ее сторону. Одновременно Сергей запустил руку в пакет, вытащил кружку, откинул в сторону полиэтилен с раздолбаным «поллароидом». Кружку пересекала здоровая трещина, она проходила как раз по изображению ухмыляющегося Швейка в идиотской форменной шапочке.

Когда до противника расстояние чуть больше вытянутой руки, да он к тебе повернут спиной, да еще позорно убегает – просыпается здоровый охотничий инстинкт. Рвануть, наддать и хоть в прыжке, но повалить. Пепел выждал, когда это произойдет. За тем и провоцировал лопесовского вояку. И тот купился. Попытка побежать закончилась, как и следовало ей закончиться: инерция утащила туловище бойца вперед ног, и герой бухнулся животом в жижу.

Пепел развернулся, наклоняясь и зачерпывая кружкой бетон. Шагнув навстречу. И огрел не успевшего распрямиться бойца кастетом весом не менее в полкило. Кружка разва-

¹⁸ Перекройте выход (нем.)

лилась окончательно, залив раствором бритую макушку. С бетоном тут же стала обильно смешиваться кровь. Лопесовский боец боком завалился в бетон.

– Что, орлы, оказались не готовы к борьбе в бетоне?! Не отработывали такую борьбу на своих макетах?! Думали количеством задавить?!

– Nicht zu schießen! Nicht zu schießen!!!¹⁹

Знакомый Пеплу выкрик. И вообще Лопесовские заградотрядовцы орали почему-то на немецком. Почему немчура, откуда взялась немчура? Однако упредительный выкрик опоздал. Прогрохотал выстрел. Вжикнувшая пуля, обдала Сергея горячей струей воздуха и прошила дерево стойки. Не прошло и секунды, не успел Пепел взобраться на очередной стол, как из пулевого отверстия с шипением рассерженного дракона ударила пенная пивная струя. Ее бурлящий вылет достал до центра зала и обдал незадачливого стрелка. От неожиданности тот выронил пистолет...

...Пан Новотны понял, что происходит. Явился тот, на кого Интерпол устроил засаду. И бетонное бедствие подстроено преступником. Тогда вопрос, а зачем это нужно преступнику? Неужели он знал, что его ждут? А если ждал, то зачем пришел?

Из трясины гаданий пана Новотны с корнем выдрал хлопнувший по ушам выстрел. Не сразу кельнер поверил, что все это произошло наяву: прямо под ним («еще чуть выше и... о господи!») пуля пробила почти целую бочку с сегодняшним пивом. Это оно сейчас хлестало, как вода из «Поющего фонтана» в парке Королевкого бельведера. Стойка мелко задрожала в такт дрожанию бочки с «Праздроем».

Новотны решил бежать. Бог с ней, с кассой. Деньги можно заработать, от полученной же в сердце шальной пули уже не вылечит ни один доктор. Он свесил ноги вниз, ненадолго задумался, а где же должно быть помельче и тут... Навалились интерполовец слева и интерполовец справа.

Новотны почувствовал, как один страж порядка выкручивает правую руку, а другой выдирает из нее трубку Гашека. Это уже не поддавалось объяснению. Но поддавалось сопротивлению. Не хватало еще позволять не-пойми-кому творить бесчинства на чешской земле. Тягаться силами приходилось сидя. Разве еще можно встать на карачки. В полный рост не выпрямишься – мешало нависающее над головой наружное оформление стойки из деревянных реечек.

Пан Новотны вцепился в трубку обеими руками, резко развернулся, крутнувшись на полировке – а он славу богу ходит не в последней весовой категории – и интерполовца, который держался за чубук, мотнуло так, что, потеряв под задом стойку, наглец полетел в бетон. Второй тут же отпустил руку кельнера. Как оказалось, лишь для того, чтобы размахнуться, насколько позволяли условия сидячего противоборства, и выполнить полукрюк снизу в подбородок. Кельнер помотал головой, словно стряхивая удар. Новотны по молодости держал удары и посерьезнее.

Зато Интерпол разозлил пана кельнера не на шутку. Новотны, конечно, слышал выкрики на немецком. Не первый раз приходят немцы в ресторан, да почитай каждый день приходят. Но только сегодня и сейчас пана Новотны молнией пронзили воспоминания, что в сорок втором после покушения на палача чешского народа Гейдриха²⁰ боши стали хватать всех без разбору и расстреливать без суда. Тогда в Панкраце²¹ без вести сгинул Ласло, племянник Зденека Новотны. Фашисты проклятые! Пан Новотны закинул на стойку ноги и вцепил ими второму немцу в грудь...

¹⁹ Не стрелять (нем.)

²⁰ Гейдрих Рейнхард – шеф политической полиции Германии (гестапо), 1941–42 – имперский протектор Богемии и Моравии.

²¹ Панкрац – политическая тюрьма в Праге. Во время фашистской оккупации в ней содержались узники гестапо.

...Отто фон Лахузен чувствовал себя так, как чувствовал себя, наверное, Адольф, когда неприятель ступил на немецкую землю. Отто утратил контроль над ситуацией. Анализировать, как же так по-дурачки получилось, почему инициатива оказалась у врага, придется позже, сейчас надо выполнить поручение. Полученные от синьора Лопеса инструкции предписывали «захватить и доставить, можно ранить, но желательно легко». Правда, умертвление русского тоже допускалось, однако это влекло бы за собой серьезные штрафные санкции в виде усечения вознаграждения на две трети. Поэтому пока Лахузен не приказывал применять оружие, хотя ситуация ему категорически не нравилась. У Йоргена просто не выдержали нервы. Он нарушил приказ, открыл огонь и из этого получилась одна сплошная глупость. Сейчас Йорген, окончательно потерявший себя, шарил в растворе в поисках пистолета. Лахузене не удалось докричаться до него, чтобы бросил заниматься ерундой. Или боец не слышал команд за шипением струи, за завываниями сирен за окном, за криками и за продолжающейся завывать в динамиках чешской попмузыкой. Или делал вид, что не слышит. В любом случае к Йоргену по завершении операции будут применены самые строгие санкции.

А объект показывал себя отличным солдатом. Лахузене он даже нравился. Русский вывел из строя уже двух противников и сейчас подходил к стойке. Уже совсем близко от нее. Правда, на этом русский поход должен, обязан закончиться. Там целых двое людей Лахузена, они задержат славянина.

Его люди правильно поступили, не дав унести трубку. Правильно с точки зрения полученной ими инструкции – не упускать трубку из виду. А кельнер пытался скрыться вместе со своей драгоценностью. Хотя, конечно, пусть бы и проваливал к чертовой матери и уносил, что захочет, объект же – вот он, перед глазами, а трубка нужна была только как нажива для русского окуня. Но опять же через весь зал Лахузене было не докричаться до своих парней. Однако Отто не сомневался, что его люди бросят проклятого чеха, с которым сейчас продолжали ненужную возню (и уже оба по разу побывали в бетонной грязи). Бросят и встретят русского. Отто быстро подсчитал – достаточно задержать жертву секунд на двадцать, этого хватит, чтобы подоспел Фриц, за ним секунд через восемь – Дитмар, еще через пятнадцать – остальные... Нет, все-таки рано пока отдавать приказ применить оружие...

...Если бы Пепел не умел за мгновения фиксировать перемены в обстановке и делать из этого выводы, то уж точно бы не гулял сегодня по Европам, а гнил бы где-нибудь под Усинском с заточкой в ребрах. Например, Пепел вычислил главного у немцев: сухопарый седовласый старикан с прямой, «офицерской» спиной. Тот единственный остался на своем месте, картинно стоял на столе, как памятник Кутузову в городе Питере. Еще Пепел учел карусель вокруг стойки и сообразил, как эту тему можно разыграть. Работать придется быстро – сзади торопится подкрепление. Сзади могут вновь начать палить, а так не хочется, чтоб палили.

Сергею чуть повезло, прятаясь в углу лже-Швейк, наверное, по контракту он не имел права покидать зал и до сих пор дрожал потерять работу, после выстрела психанул и стал лягушкой прыгать по столам и стульям. Замыкающие кольцо подозрительные немцы не рискнули оставлять актера в тылу – вдруг с Пеплом за одно, и отвлеклись на беснующегося литературного героя.

Пепел был уже у стойки. Безуспешно охранявшие трубку от ее хозяина пана Новоты бойцы не успели повернуться лицом к опасности. Поймав за волосы на затылке, Сергей хрустнул одного губами о стойку, а другого, ухватив за шкуру ткнул в бьющую с кинжальным напором пивную струю. Немец, захлебываясь, забарахтался, будто пытался поплыть. И пан старший кельнер, оценив момент, раскрыл одну за другой об голову утопающего все еще умещавшиеся на стойке пустые кружки. Теперь Сергей мог безбоязненно отпустить во всех смыслах перебравшего пива немца. Отпустил, тот подобно дождевой капле по стеклу, стек в бетон.

– *Dequji vam*²², – сказал Новотны. И получил в зубы. И удар Серегиного кулака оказался достаточным даже для пана старшего кельнера.

Подхватив, будто эстафетную палочку, выроненную паном трубку, Сергей ринулся налево. Краем глаза отметил, что актер не превратился в серьезную проблему для лопесовских охотников, и теперь комом грязного белья плавал в жиже. По другой бок от Сергея оказалась дверь в подсобку. С легкой душой можно было выбрать этот путь. Скорее всего, там Сергея ожидала стычка всего с одним немцем, часовым поставленным в кухне и не покинувшим свой пост. Но Пепел придумал кое-что похитрее. Оказавшись у стены, зажал трубку в зубах, как пират кинжал, дернул на себя стол, оставляя борозды в бетоне. Забрался на стол и щучкой прыгнул в выдавленное трубой бетоновоза окно.

Такого наглого, банального и одновременно не вяжущегося с немецкими представлениями об воинском этикете поступка Отто не ожидал никак. И от обиды даже выкрикнул вслед сквозь пальцы просочившемуся врагу:

– *Du wirst mich dennoch nicht entlaufen!*²³.

Мало кто так заметен на улицах города как человек, об которого можно испачкаться. Сергей в секунду сбросил измазанный и уже далеко не только оранжевый комбинезон у разбитого окна. Оставшись в костюмчике, затерялся в толпе. Он не слышал последнего вопля Отто, хотя прислушаться стоило. Потому что это был не крик отчаяния, а слова врага, сохранившего уверенность в победе.

* * *

20. 54. По настенным часам внутри Главного почтамта, Индржишиска ул., 14.

Пражане быстро стали законченными европейцами и беззаботно оставляли велосипеды в стойках возле магазинов и кафе, положившись лишь на хилую цепочку и игрушечного вида замок. Любой наш беспризорник скovyрнет такой замок пивной пробкой. Поэтому к почтамту Пепел летел на велосипеде, скатываясь с улиц-горочек и ловко лавируя в автомобильных пробках.

Ресторанная братия пока на почтамте не объявилась. Даже если б они где-то как-то переоделись и отмыли забетонированные лица, Пепел все равно угадал бы их присутствие. У него фотографическая память на лица, спасибо дням и ночам, проведенным за карточным столом. Но на почте могли ошиваться и другие соглядатаи. Пепел незаметно осмотрелся, вроде бы слезки не заметно.

– Ну вот и порядок, – вырвалось у Пепла, после того как служащая в синей униформе запаковала в казенную коричневую бумагу картонку из-под зонтика с несоответствующей картинкам начинкой и положила бандероль на тележку. А тележку вместе с невинными подарками чехов своим дальним родственникам укатил в загадочный мир пересылок пан катальщик, или как его тут кличут.

Велосипед Пепел приставил к колонне почтамта. Хороший, кстати, велик, двенадцатискоростной, с мягким ходом. Сергей не исключал для себя вариант воспользоваться им еще разок, удобная штука, чтоб уходить от машин, ныряя в проулки.

Ощущение радостной легкости как пришло, так и схлынуло. Вернулись собранность и настрой на действие. Пора выбираться наружу, так сказать, выходить в люди. И поскольку от Лопеса стоило ожидать любых подлостей, приходилось быть готовым, что люди латиноса сейчас играют нечто вроде ментовских отечественных забав «Перехват», «Невод» и тому

²² Спасибо.

²³ Ты от меня все равно не сбежишь.

подобное. А посему требовалось построить ситуацию так, чтобы даже при встрече Пепла с этими людьми ничто не натолкнуло бы их на идею проверить почтовые закрома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.